

Лекции по Священному Писанию Нового Завета

Лекция 1. Послание к римлянам святого апостола Павла

Цель и время написания

Следует учитывать три пары факторов: эпистолярный характер Послания (в начале и конце) и его теологическое содержание (в середине); обстоятельства жизни Павла и обстановку в Римской церкви; разделение церкви на иудейскую и языческую группировки и их конкретные проблемы.

Каковы же были личные обстоятельства Павла? Вероятно, он писал из Коринфа во время трехмесячного пребывания в Греции (Деян. 20:2 и дал. - это **58 или 59 годы**) незадолго до своего отплытия на восток.

Он упоминает три места, которые он намерен посетить. Первое — Иерусалим, куда он доставит деньги, собранные греческими церквями для поддержания обнищавших христиан в Иудее (15:25 и дал.).

Второе — сам Рим. Потерпев неудачи в своих предыдущих посещениях римских христиан, он был уверен, что на этот раз ему будет сопутствовать успех (1:10–13; 15:23 и дал.).

Третье — Испания, так как он хотел продолжить свою миссионерскую работу и там, где имя Христово не было известно (15:20; 24, 28). Именно в этих трех направлениях намеревался Павел распространять свои письменные послания.

Действительно, Павел рассчитывал, что в Риме, находящемся между Иерусалимом и Испанией, он сможет отдохнуть после Иерусалима и подготовиться к походу в Испанию. Другими словами, его посещения Иерусалима и Испании имели для него чрезвычайно важное значение, поскольку непосредственно решали две постоянно стоявшие перед ним задачи: благовествование иудеям (в Иерусалиме) и язычникам (в Испании).

Фактически, его благовествование в четырех провинциях — Галатии, Азии, Македонии и Ахайи — уже было завершено, ибо «от Иерусалима и окрестности до Иллирика» (примерно современная Албания) он повсюду проповедовал Евангелие (15:19). Ап. Павел хотел благовествование лишь там, где имя Христово было неизвестно, «дабы не созидать на чужом основании» (15:20), и что он «не имел такого места в сих странах» (15:23). Испания же считалась частью западной границы Римской империи, и ему было известно, что Благая весть туда еще не дошла.

Вероятно, ап. Павел нуждался в поддержке римлян. Рим находился между Иерусалимом и Испанией на расстоянии двух третей пути, и поэтому Павел просит их «проводить (его) туда» (15:24), поддержав морально, финансами и молитвенно.

Церковь в Риме была уже создана, по-видимому, усилиями христиан-иудеев, вернувшихся из Иерусалима после Пятидесятницы (Деян. 2:10), однако имя миссионера, основавшего там церковь, неизвестно. И Павел, как Апостол избранный для служения язычникам (1:5 и далее; 11:13; 15:15 и дал.), считал своей обязанностью послужить в этой столице языческого мира (1:11 и дал.). Однако он тактично добавляет, что посетит их только «проходя» (15:24, 28).

Появление письменного послания римлянам обусловлено не только его личными обстоятельствами и, в частности, планами посещения Иерусалима, Рима и Испании. Решающим было другое: обстановка, в которой тогда находились христиане. Даже беглое чтение Послания позволяет понять, что Римская церковь представляла собой смешанную общину, состоящую из иудеев и язычников, причем последние были в большинстве (1:5 и дал., 13; 11:13). Видно также, что группы эти всерьез конфликтовали между собой. Далее обнаруживается, что конфликт этот не был этническим в своей основе (то есть не был вызван расовыми и культурными различиями), но был теологическим (то есть коренился в различных отношениях к статусу Божьего завета, закону и спасению). Некоторые

богословы считают, что городские домашние церкви (см.: 16:5 и стихи 14, 15, в которых говорится о христианах «с ними»), по-видимому, представляли эти различные доктрины. Христиане из иудеев («Слабые в вере»), ревностно соблюдавшие обрядовые правила, касавшиеся, к примеру, приемов пищи, осуждали Павла за пренебрежение к ним. Видимо, они считали себя единственными наследниками Божьих обетований и приветствовали благовестование язычникам лишь при условии их обрезания и соблюдения ими всего закона (ср.: Деян. 15:1). Для них Павел был предателем завета и врагом закона.

Христиане из язычников («Сильные в вере») и, подобно Павлу, отстаивающие «свободную от закона Благоую весть», грешили тем, что презирали «слабых» за их бессмысленную привязанность к закону. Таким образом, иудейские христиане гордились своим статусом, а христиане из язычников — своей свободой, так что Павел должен был укрощать и тех, и других.

И от начала до конца послания ап. Павел выступает в роли миротворца, успокаивающего волнения, стремящегося сохранить истину и мир, не принося в жертву одно другому. Он сам, разумеется, был с обоими. С одной стороны, он был иудеем-патриотом («Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти», 9:3). С другой стороны, он был уполномоченным Апостолом язычников («Вам говорю, язычникам: как Апостол язычников...», 11:13; ср.: 1:5; 15:15 и дал.).

В своем пастырском служении примирения Павел развивает две важнейшие темы. Одна — это оправдание виновных грешников только Божьей благодатью, только во Христе и только по вере, независимо ни от занимаемого положения, ни от дел. Это самая смиряющая и самая уравнивающая из всех христианских истин, поэтому и ставшая основанием христианского единства.

Другая тема Павла — это будущее возрождение Божьего народа уже не по признаку происхождения, обрезания или культуры, но только по вере в Иисуса, так, чтобы все верующие были бы истинными наследниками Авраама, независимо от их этнического происхождения или религиозной ориентации. Итак, больше «нет различий» между иудеями и язычниками ни в отношении их греха и вины, ни в отношении дара спасения, предлагаемого Христом (напр.: 3:21 и дал., 27 и дал., 4:9 и дал., 10:11 и дал.), что и является самой главной темой Послания к Римлянам. В тесной связи с этим положением находится непреложная реальность Божьего завета (ныне охватывающего язычников и свидетельствующего о Его верности) и Божьего закона (почему мы, хотя и «освобождены» для получения спасения, все же под водительством Святого Духа «исполняем» закон, следуя тем самым святой воле Бога).

Краткий обзор послания к Римлянам

Две основные темы Павла — целостность вверенной ему Благой вести и единение язычников и иудеев в мессианском сообществе — звучат уже в первой половине главы 1.

Павел называет Благоую весть «благовестием Божьим» (1) потому, что Бог — это автор, и «благовестием Сына» (9) потому, что Сын — его сущность.

В стихах 1—5 он фокусирует внимание на личности Иисуса Христа, потомка Давида по плоти, властно провозглашенного Божьим Сыном по Его воскресении из мертвых. В стихе 16 Павел говорит о своем труде, так как благовестование есть сила Божья ко спасению всякому верующему, «во-первых Иудею, потом и Еллину».

В промежутке между этими краткими евангельскими заявлениями Павел пытается установить доверительные отношения со своими читателями. Он пишет ко «*всем находящимся в Риме*» верующим (7), независимо от их этнического происхождения, хотя знает, что большинство из них — из язычников (13). Он благодарит Бога за всех, постоянно молится о них, стремится к встрече с ними и уже несколько раз (пока безуспешно) пытался повидать их (8—13). Он чувствует свою обязанность проповедовать Благоую весть в столице мира. Он страстно желает этого, потому что **в благовестии открылась воля праведного Бога: «приведение к праведности» грешников (14—17).**

Гнев Бога (1:18 – 3:20)

Откровение Божьей праведности в Евангелии необходимо потому, что открывается Его гнев на неправедность (18). Гнев Бога, Его чистое и совершенное неприятие зла направлены на всех тех, кто намеренно подавляет все истинное и праведное ради своего личного выбора. Ведь все люди каким-то образом приобретают познания о Боге и добродетели: либо через окружающий мир (19 и дал.), либо через свою совесть (32), либо посредством морального закона, написанного в человеческих сердцах (2:12 и дал.), либо посредством закона, Данного иудеям через Моисея (2:17 и дал.).

Таким образом, Апостол разделяет человеческий род на три группы: развращенное языческое общество (1:18—32), критики-моралисты (будь то иудеи или язычники) и хорошо образованные самоуверенные евреи (2:17 — 3:8). В заключение он обвиняет все человеческое общество (3:9—20). В каждом из этих случаев аргумент его один и тот же: никто из людей не поступает согласно тем знаниям, которыми обладает. Даже особые привилегии иудеев не освобождают их от Божьего суда. Нет, *«как Иудеи, так и Еллины, все под грехом»* (3:9), *«ибо нет лицепрятия у Бога»* (2:11). Все человеческие существа — грешники, все виновны и не имеют оправдания у Бога — такова картина мира.

Благодать Бога (3:21 – 8:39)

«Но ныне» — воссиял свет Благой вести. Павел вновь называет ее *«праведностью Бога»* (или от Бога) (как в 1:17), то есть это оправдание Им неправедных, что возможно только через Крест, на котором Бог и явил Свою справедливость (3:25 и дал.) и Свою любовь (5:8) и который доступен *«всем верующим»* (3:22) — и иудеям, и язычникам. Разъясняя смысл Креста, Павел прибегает к таким ключевым словам, как *«умилостивление»*, *«искупление»*, *«оправдание»*. И затем, отвечая на возражения иудеев (3:27—31), он доказывает, что поскольку оправдание возможно лишь по вере, то не может быть никакой похвалы перед Богом, никакой дискриминации евреев и язычников и никакого пренебрежения к закону.

Глава 4 — Павел доказывает, что патриарх Израиля Авраам получил оправдание не по своим делам (4—8), не через обрезание (9—12), не по закону (13—15), а по вере. В дальнейшем Авраам уже становится *«отцом всех верующих»* — и иудеев, и язычников (11, 16—25).

Установив, что Бог дарует оправдание по вере даже самым большим грешникам (4:5), Павел говорит о чудесных благословениях Божьих своему оправданному народу (5:1 — 11). *«Итак...»*, начинает он, мы имеем мир с Богом, мы находимся в Его благодати и радуемся надежде увидеть и разделить Его славу. Даже страдания не поколеблют нашей уверенности, потому что с нами Божья любовь, которую Он излил в наши сердца Духом Святым (5) и подтвердил на Кресте через Сына Своего (5:8). Все, что Господь уже сделал для нас, дает нам надежду, что мы *«спасемся»* в последний день (5:9—10).

Выше были показаны два типа человеческих сообществ: одно — отягощенное грехом и виной, другое — благословленное благодатью и верой. Родоначальником прежнего человечества был Адам, родоначальником нового — Христос. Затем Павел проводит их сопоставление и противопоставление (5:12—21). Первое сделать несложно. В обоих случаях единичный поступок одного человека оказывает влияние на огромное число людей. Гораздо существеннее здесь противопоставление. Если непослушание Адама принесло проклятие и смерть, то смирение Христа принесло оправдание и жизнь.

В середине антитезы «Адам — Христос» Павел помещает Моисея: *«Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление. А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать»* (20). Оба эти заявления были непереносимы для иудеев, поскольку оскорбляли закон. Первое как бы возлагало вину за грех на закон, а второе провозглашало окончательное уничтожение греха вследствие изобилия благодати. Неужели благовествование Павла унижало закон и поощряло грех? На второе обвинение Павел отвечает в главе 6, а на первое — в главе 7.

Дважды в главе 6 (стихи 1 и 15) оппонент Павла задает ему вопрос: считает ли он, что возможно продолжать грешить, а Божья благодать будет продолжать прощать? Оба раза

Павел резко отвечает: «Никак!» Если христиане задают такой вопрос, значит они вообще не понимают ни смысла своего крещения (1 — 14), ни смысла обращения (15—23). Разве они не знали, что их крещение означало соединение с Христом в Его смерти, что Его смерть была смертью «в грех» (то есть грех был удовлетворен и наказание за него было принято) и что они воскресли вместе с Ним? В соединении с Христом они сами «*мертвы для греха и живы для Бога*». Как же можно продолжать жить в том, для чего они умерли? То же и с их обращением. Разве они не отдали себя решительно Богу как Его рабы? Как же могут они вновь вернуть себя в рабство греху? Наше крещение и обращение, с одной стороны, исключили всякий возврат к прежней жизни, а с другой, — открыли путь в новую жизнь. Возможность возвращения назад существует, однако такой шаг совершенно нецелесообразен. Благодать не только не поощряет грех — она запрещает его.

Оппоненты Павла были также обеспокоены его учением о законе. Этот вопрос он проясняет в главе 7, где выделяет три момента. Во-первых (1–6), христиане «*умерли для закона*» во Христе так же, как и для «греха». Следовательно, они «освобождены» от закона, то есть от его проклятия, и теперь свободны, но свободны не грешить, а служить Богу в обновленном духе. Во-вторых, Павел, исходя из своего собственного прошлого опыта, утверждает, что, хотя закон и обнажает грех, побуждает к нему и осуждает его, он не ответственен за грех и смерть. Нет, закон свят. Павел защищает закон.

В-третьих (14—25), «*Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр. А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго которого хочу не делаю, а злое, которого не хочу, делаю...*». Павел в ярких образах описывает продолжающуюся острую внутреннюю борьбу. Независимо от того, является ли «бедный», вопиющий об освобождении человек возрожденным христианином или остается невозрожденным и является ли сам Павел этим человеком или это просто персонификация, цель этих стихов — продемонстрировать слабость закона. Падение человека — это не вина закона (который свят) и даже не вина собственного человеческого «я», но «живущего» в нем «греха» (17, 20), над чем закон не имеет власти.

Но ныне (8:1—4) Бог через Своего Сына и Духа совершил то, чего закон, ослабленный нашей греховной природой, сделать не мог. В частности, изгнание греха возможно только воцарением на его месте Святого Духа (8:9), Который не упоминается в главе 7 (за исключением стиха 6). Таким образом, теперь мы, предназначенные к оправданию и освящению, находимся «не под законом, но под благодатью».

Как глава 7 Послания посвящена закону, так глава 8 посвящена Святому Духу. В первой половине главы Павел описывает различные миссии Святого Духа: освобождение человека, присутствие Его в нас, дарование новой жизни, научение самоконтролю, свидетельство человеческому духу, что мы дети Бога, ходатайство за нас. Павел помнит, что мы Божьи дети, а, следовательно, Его наследники и что страдание — это единственная дорога к славе. Затем он проводит параллель между страданиями и славой Божьих детей. Он пишет, что творение подвержено разочарованию, но однажды оно освобождается от своих оков. Однако творение стонет как бы в муках деторождения, и мы стонем вместе с ним. Мы страстно, но терпеливо ожидаем окончательного обновления всей вселенной, включая наши тела.

В последних 12 стихах 8 главы Апостол поднимается до величественных высот христианской веры. Он приводит пять убедительных доводов о работе Бога для нашего блага, а в итоге — для нашего окончательного спасения (28). Он отмечает пять этапов, составляющих Божий замысел от прошлой к будущей вечности (29—30), и ставит пять дерзких вопросов, на которых нет ответа. Таким образом, он укрепляет нас пятнадцатью доказательствами несокрушимости Божьей любви, от которой ничто никогда не может нас отлучить.

План Бога (9 – 11)

На протяжении первой половины своего Послания Павел не упускает из виду ни этническое смешение в римской церкви, ни постоянно дававшие о себе знать трения между иудейским христианским большинством и языческим христианским меньшинством. Теперь пришло время вплотную и решительно взяться за одну скрывающуюся здесь теологическую проблему. Как случилось, что еврейский народ отверг своего Мессию? Как можно примирить его неверие с Божьим заветом и обетованиями? Как может включение язычников согласовываться с планом Бога? Видно, что каждая из этих трех глав начинается с очень личного и эмоционального свидетельства Павла о своей любви к Израилю: здесь и гнев по поводу его отчуждения (9:1 и дал.), и страстное желание его спасения (10:1), и непреходящее ощущение своей принадлежности ему (11:1).

В главе 9 Павел отстаивает принцип верности Бога Своему завету на том основании, что Его обетования были адресованы не всем потомкам Иакова, а только тем израильтянам, которые от Израиля, — Своему остатку, поскольку Он всегда действовал в соответствии со Своим принципом «изволением избрания» (11). Это проявилось не только в предпочтении Исаака Измаилу и Иакова Исаву, но и в помиловании Моисея, когда было ожесточено сердце фараона (14—18). Но даже и это ожесточение фараона, вынужденного подчиниться желаниям своего ожесточенного сердца, было по своей сути проявлением Божьей силы. Если у нас все еще остаются недоумения по поводу избранничества, надо помнить, что человеческому существу не годится пререкаться с Богом (19—21), что мы должны смириться перед Его правом проявлять Свою власть и милосердие (22—23) и что в самом Писании предсказано призвание язычников, как и иудеев, стать Его народом (24—29).

Тем не менее концы глав 9 и 10 ясно дают понять, что неверие Израиля не может быть обусловлено Божьим выбором, поскольку Павел далее заявляет, что Израиль «преткнулся о камень преткновения», а именно — о Христа и Его Крест. Этим он обвиняет Израиль в гордом нежелании принять Божий план спасения и в религиозном усердии, не основанном на знании (9:31 — 10:7). Павел продолжает противопоставлять «праведность по закону» «праведности по вере» и, искусно применяя Второзаконие (30), подчеркивает доступность Христа через веру. Нет необходимости бродить где-то в поисках Христа, поскольку Он Сам пришел, умер и воскрес и доступен каждому, кто призовет Его (10:5—11). Более того, в этом нет различия между евреем и язычником, потому что один и тот же Бог — Бог всех людей — щедро благословляет всех, кто взывает к Нему (12—13). Но для этого необходимо благовествование (14—15). Почему Израиль не принял Благоую весть? Не потому что они не слышали или не поняли ее. Тогда почему? Ведь постоянно Бог простирал к ним руки Свои, но они были «непослушны и упорны» (16—21). Значит, причина в неверии Израиля, которое в главе 9 Павел относит на счет Божьего выбора, а в главе 10 — на счет его гордости, невежества и упорства израильтян. Противоречие между Божественной верховной властью и человеческими обязательствами представляет собой парадокс, постичь который ограниченный ум не способен.

В главе 11 Павел заглядывает в будущее. Он заявляет, что падение Израиля не будет ни всеобщим, поскольку существует верующий остаток (1 — 10), ни окончательным, поскольку Бог не отверг Свой народ и он (народ) возродится (11). Если через падение Израиля спасение пришло к язычникам, то теперь через спасение язычников в Израиле будет возбуждена ревность (12). И в самом деле, Павел видит миссию своего благовествования в разжигании в своем народе ревности, чтобы спасти хотя бы некоторых (13—14). А затем «полнота» Израиля принесет «гораздо больше богатства» миру Далее Павел развивает аллегорию маслины и предлагает два урока на эту тему. Первый — это предостережение язычникам (как привитой ветке дикой маслины) против превозношения и похвальбы (17—22). Второй — это обетование Израилю (как ветке от корня) о том, что если они перестанут упорствовать в своем неверии, то вновь будут привиты (23—24).

Видение Павлом будущего, которое он называет «тайной» или откровением, заключается в том, что, когда наступит полнота числа язычников, «*весь Израиль спасется*» также (25—27). Его уверенность в этом происходит от того, что «*дары и призвание Божие непреложны*» (29). Итак, мы можем с уверенностью ожидать «полноты» как евреев, так и язычников (12, 25). И действительно, Бог «*помилует всех*» (32), что не подразумевает всех без исключения, но означает помилование и евреев, и язычников без их разделения. Неудивительно, что эта перспектива приводит Павла в состояние восторженного прославления Бога и он возносит хвалы Ему за чудесные богатства и за глубину Его мудрости (33—36).

Воля Бога (12:1 – 15:13)

Называя римских христиан своими «братьями» (поскольку прежние различия уже устранены), Павел теперь обращается к ним с призывом. Он основывается при этом на «*милосердии Божиим*», которое он истолковывает, и призывает их к освящению своих тел и обновлению своих умов. Он ставит перед ними все ту же альтернативу, всегда и повсюду сопровождавшую Божий народ: либо сообразовываться с этим миром, либо измениться через обновление ума, в чем состоит «*благая, угодная и совершенная*» воля Бога.

В последующих главах поясняется, что воля Бога касается всех наших взаимоотношений, которые совершенно меняются под действием Благой вести. Павел разрабатывает восемь из них, а именно: отношения с Богом, с самим собой и с друг другом, с нашими врагами, государством, законом, с последним днем и со «слабыми». Наш обновленный ум, начинающий познание воли Божьей (1—2), должен трезво оценивать дарованное нам Богом, не переоценивать и не недооценивать самих себя (3—8). Наши взаимоотношения должны неизменно определяться служением друг другу. Любовь, связывающая воедино членов христианской семьи, включает в себя искренность, теплоту, честность, терпение, гостеприимство, доброту, гармонию и смирение (9—16).

Далее говорится об отношении к врагам или творящим злое (17—21). Вторя заповедям Иисуса, Павел пишет, что мы не должны воздавать злом за зло или мстить, но следует оставить наказание Богу, так как это Его прерогатива, а самим — искать мира, служить врагам, побеждая зло добром. Наши отношения с властями (13:1—7), в представлении Павла, непосредственно связаны с понятием гнева Божьего (12:19). Если наказание зла — прерогатива Бога, то осуществляет Он ее через государственные юридически утвержденные институты, поскольку должностное лицо есть «*служитель*» Бога», поставленный для наказания злодеяний. Государство также выполняет положительную функцию поддержания и вознаграждения совершаемых людьми добрых дел. Однако наше подчинение властям не может быть безусловным. Если государство неправильно использует данную Богом власть, принуждая делать то, что запрещает Бог, или запрещая то, что Бог заповедует, в этом случае наш христианский долг очевиден — не подчиняться государству, но покориться Богу.

Стихи 8—10 обращены к любви. Они учат, что любовь — это и неоплатный долг, и исполнение закона, поскольку хоть мы и «*не под законом*», так как обращаемся к Христу за оправданием и к Святому Духу за освящением, все-таки мы призваны исполнять закон в нашем ежедневном подчинении Божьим заповедям. В этом смысле нельзя противопоставлять Святой Дух и закон, потому что Святой Дух пишет закон в наших сердцах, а верховенство любви становится все более очевидным по мере приближения дня возвращения Господа Христа. Мы должны проснуться, встать, одеться и вести образ жизни людей, принадлежащих свету дня (стихи 11—14).

Нашим отношениям со «слабыми» Павел отводит очень много места (14:1—15:13). Они, видимо, скорее немощны в вере и убеждениях, чем в силе воли и характере. Такими, вероятно, были христиане-иудеи, считавшие своей обязанностью все же соблюдать закон о принятии пищи, а также праздники и посты по иудейскому календарю. Сам Павел

относит себя к категории «сильных» и солидарен с их позицией. Его сознание говорит ему, что еда и календарь — вещи второстепенные. Но он не желает поступать деспотично и грубо по отношению к уязвимой совести «слабых». Он обращается с призывом к церкви «принять» их, как это сделал Бог (14:1,3), и «принять» друг друга, как это сделал Христос (15:7). Если принять немощных в своем сердце и быть к ним дружелюбным, то невозможно уже будет презирать или осуждать их, или ранить принуждением идти против своей совести.

Наиболее значительной особенностью этих практических рекомендаций Павла является то, что он строит их на своей христологии, а конкретно — на смерти, воскресении и втором пришествии Иисуса. Немощные в вере — это тоже наши братья и сестры, за которых умер Христос. Он воскрес, чтобы быть их Господом, и мы не имеем права мешать Его слугам. Он придет и для того, чтобы судить нас, поэтому мы сами не должны быть судьями. Мы также должны следовать примеру Христа, Который не угождал Себе, но стал слугой — действительно слугой — иудеям и язычникам. Павел оставляет читателя с чудным упованием, что слабые и сильные, верующие иудеи и уверовавшие язычники связаны вместе таким «единым духом», что «единодушно, едиными устами» вместе славят Бога (15:5–6).

В заключение Павел говорит о своем апостольском призвании послужить язычникам и благовествовать там, где не знают Христа (15:14–22). Он делится с ними своими планами посетить их по пути в Испанию, доставив сначала в Иерусалим пожертвования как символ иудейско-языческого единства (15:23–29), а также просит их молиться за себя (15:30–33). Он представляет им Фиву, которая должна доставить Послание в Рим (16:1–2), он приветствует 26 человек, называя их по именам (16:3–16), мужчин и женщин, рабов и свободных, евреев и бывших язычников, и этот список помогает нам осознать необыкновенное единство в разнообразии, замечательным образом отличавшее Римскую церковь. Он предостерегает их от лжеучителей (16:17–20); он посылает приветствия от восьми человек, находящихся с ним в Коринфе (16:21–24), и завершает послание хвалой Богу. Хотя синтаксис этой части Послания довольно сложен, содержание великолепно. Апостол заканчивает тем, с чего начинал (1:1–5): вступительная и заключительные части свидетельствуют о Благой вести Христа, о промысле Божьем, о воззвании к народам и призыве к смирению в вере.

Лекция 2. Первое Послание Апостола Павла к Коринфянам

Повод к написанию Послания и цель его

Вскоре по удалении Апостола Церковь Коринфская подверглась большой опасности со стороны лжеучителей, которые, желая унизить авторитет Апостола в глазах Коринфян, стали распространять о нём несправедливые слухи: что он не учён и слабохарактерен, и что он, как **несамовидец Христа, не мог сообщить истинного учения о Нём**, и тем возбудили во многих Коринфянах желание именоваться учениками других учителей, лишь бы не учениками Павла; вследствие чего появилось в Церкви Коринфской несколько партий, носивших имена то Аполлоса, то Кифы, то Павла, то Самого Христа, и каждая из них стремилась взять перевес над другими.

Кроме того, под руководством лжеучителей, не окрепшие в Христианской нравственности последователи Христа стали очень легко уклоняться от чистоты жизни, и в среде их появилось такое блуждание, какого не было слышно и между язычниками ([1Кор. 5:1](#)). **Некоторые** же, злоупотребляя свободой Христианскою, ели идоложертвенное и даже присутствовали при идольских жертвоприношениях (глава 8). **Другие** неправильно понимали воскресение мертвых и совсем отвергали оное (15 глава). **Тяжущиеся** искали суда у язычников (6 глава). Богатые нарушали порядок Христианских собраний, отказываясь учреждать вечера любви или отделяясь для этого от бедных

(11:20→). **Женщины** нарушали приличие, являясь к Богослужению с открытой головой (11:5→). Были недоумения о брачной жизни и безбрачии (глава 8-я) и многое другое, что вредило чистоте веры и нравов Христиан.

Все эти беспорядки и бедствия Церкви Коринфской побудили некоторых из них, близких к Павлу, написать ему письмо обо всём и просить у него совета и разрешения возникших вопросов. Отчасти из этого письма, которое не дошло до нас, а более от доставивших ему письмо Коринфян, Стефанина, Фортуната и Ахаика (16:17–18), а также домочадцев благочестивой Коринфянки Хлои (1:11) Апостол подробно узнал, что делается в Коринфе, и со свойственной ему ревностью, поспешил на помощь юной Церкви.

Он сейчас же отправил туда своего любимого ученика Тимофея, чтобы тот напомнил Коринфянам об учении Павла (4:17); а между тем, пока Тимофей, имевший поручение посетить на пути и другая Церкви Македонии ([Деян. 19:22](#)), мог достигнуть Коринфа, Апостол послал им письмо. Это и есть наше *первое* Послание к Коринфянам.

Целью его, очевидно, было направить Коринфян на истинный путь, с которого они уклонились, уничтожить их разделения, удалить кровосмесника, указать правила Церковного благочиния, научить правильному употреблению духовных дарований и разрешить вопросы и сомнения, возникшие между Коринфянами и предложенные ему на разрешение.

Место и время написания Послания

В некоторых Греческих кодексах находятся подписи, которые свидетельствуют, что это Послание было написано из Филипп, что в Македонии. Поводом к такой подписи могли послужить слова Апостола (16:5): *прииду же к вам, егда Македонию преиду – Македонию бо прехожду*. Но это случилось лишь в следующий год.

Теперь же Апостол находился в Ефесе. Отсюда он отправил Тимофея и Эраста в Македонию ([Деян. 19:22](#)), а сам остался в Азии и располагал возможностью пробыть в Ефесе до Пятидесятницы ([1Кор. 16:8](#)) – поэтому и приветствия Коринфянам шлёт от Церквей Азийских (16:19), и от Прискиллы и Акилы, которые в то время находились в Ефесе ([Деян. 18:21–26](#)).

Что касается *времени* написания Послания, то его можно определить с достаточной ясностью, если взять во внимание представляющиеся в этом Послании данные и сопоставить их с указаниями книги Деяний. По словам Послания (16:8), Апостол намерен был оставаться до Пятидесятницы в Ефесе, а потом через Македонию идти в Ахаию (16:5–7); при этом он просит Коринфян **собирать милостыню для Иерусалимских Христиан** и надеется этот сбор или с письмами или лично доставить в Иерусалим (16:1–4), и действительно, в книге Деяний Апостольских Павел сам свидетельствует, что он доставил в Иерусалим эту милостыню ([Деян. 24:17](#)). Во время написания Послания Апостол уже отправил Тимофея, который имел поручение собирать милостыню в Македонии ([1Кор. 4:17](#); [Деян. 19:22](#)); стало быть, это было в конце **трёхлетнего** пребывания Апостола в Ефесе, и именно весной 58 года, незадолго перед Пасхой.

Очерк содержания Послания

Всё Послание можно разделить на четыре части. В первой, после общего **Введения (1:1–9)**, Апостол порицает Коринфян за их раздоры и несогласия, выразившиеся в разделении их на партии и за увлечение мудростью человеческою; уверяет, что **цель проповеди Апостольской – утверждение Креста Христова**, в котором – высшая мудрость и сила Божия и в котором объединяются все учения (1–4 главы).

Во **Второй части** обличает Коринфян за допущение кровосмесника в своё общество, запрещает суды у иноверных, определяет употребление идоложертвенной пищи, даёт советы касательно брачной и безбрачной жизни, касательно идоложертвенных мяс, и, наконец, говорит о Христианской свободе применительно к употреблению пищи (5–10).

В **Третьей** – научает благочинному поведению при Богослужениях и особенно при совершении таинства Евхаристии и при Вечерях Любви; научает пользование духовными дарами, между которыми указывает на главные – веру, надежду и любовь, и в особенности – в последнюю, и советует даже сими дарами пользоваться благообразно и по чину (11–14).

В **Четвёртой** части утверждает истину воскресения мертвых на основании воскресения Иисуса Христа, и из неё выводит правило и требование лучшей добродетельной жизни. В итоге, преподав **правила сбора милостыни для Иерусалима**, Апостол предлагает ещё несколько правил и наставлений, и оканчивает приветствиями и обыкновенною припискою: *благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами* (15–16 главы).
(проф.А.В.Иванов)

Экзегетический разбор первого Послания к Коринфянам (АВЕРКИЙ (Таушев))

1-е послание св. Апостола Павла к Коринфянам отличается от других его посланий разнообразием разрешаемых в нем вопросов. От послания к Римлянам оно отличается еще тем, что здесь св. Апостолу Павлу приходится иметь дело не с иудейскими заблуждениями, а с греческой культурой и чувственностью, с эллинизмом, опиравшимся на философию, не чуждым глубокого проникновения в духовно-нравственную область жизни.

Начинается послание обычным надписанием и приветствием. Наряду с самим собой св. Павел смиренно упоминает и «Сосфена брата». Блж. Феодорит и св. Димитрий Ростовский полагают, что этот Сосфен был тот самый начальник синагоги, в Коринфе, который подвергся побоям, по случаю возмущения там против Апостола Павла (Деян 18:17). Такого же мнения держится и еп. Феофан Затворник, который говорит, что этих побоев нельзя иначе объяснить, как какою-либо причастностью Сосфена к проповеди святого Павла.

Послание состоит из двух частей: первая часть **от 1-ой до 6-ой главы** содержит преимущественно **обличения**, вторая часть — **от 7-ой до 15-ой главы** содержит преимущественно **наставления** и, наконец, последняя **16-я глава** представляет собою **заключение**, в котором св. Апостол излагает соображения о сборе милостыни для палестинских христиан и о своем путешествии по дороге в Коринф, а также передает обычные приветия.

1 – 4 главы. Св. Апостол обличает Коринфян за распри и разделения между ними. Сначала он хвалит их веру, выражая уверенность, что Господь утвердит их в этой вере **«до конца, чтобы вам быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа»** (1:8), а с 10-го стиха начинает свою обличительную речь. После св. Апостола Павла в Коринфе проповедовал его ученик Аполлос; туда же прибыли христиане, обращенные св. Апостолом Петром; были там и христиане из Палестины, слышавшие проповедь Самого Господа Иисуса Христа. Склонные к партийным распрям и держась, по-видимому, еще языческого взгляда на проповедников Евангелия, как на философов, основывавших каждый свою школу, Коринфяне стали делиться на партии по именам проповедников евангельского учения, и называли себя: **«я — Павлов, я — Аполлосов, я — Кифин, я — Христов»**. В начале в основе этого разделения лежало лишь доброе чувство любовной привязанности к тому или иному проповеднику, но в дальнейшем такое разделение могло повести к опасным последствиям для самой чистоты веры.

Это разделение явилось началом упадка нравственной жизни и всех нестроений. Руководители отдельных партий, по примеру языческих философов, влияли на толпу красноречием и философскими рассуждениями. Поэтому св. Апостол в **1-й главе** характеризует **свойства евангельской проповеди**, сравнительно с мирской мудростью — философией. Проповедь о кресте для язычников кажется слишком простой и даже безумием, между тем, как для уверовавших **слово крестное — сила Божия**, дарующая спасение. В то время, как мудрость мирская (философия), оторвавшаяся от

источника мудрости — Бога, оказалась бессильной в устроении человеческой жизни, евангельская проповедь, кажущаяся для неверных юродством (безумием), дарует людям действительно все, что необходимо, как для благоустроения их земной жизни, так и для их вечного спасения. **«Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость»** (1:22–24). Здесь важно отметить, что «Божией премудростью» («Софией») именуется Второе Лицо Пресвятой Троицы.

Далее Апостол говорит **«потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков»** (1:25), что видно из того, что **«но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное»** (1:27). Бедные, незнатные и неученые рыбаки, какими были святые Апостолы, и большинство первенствующих христиан, тоже люди по преимуществу низкого звания и необразованные, силою своей веры и своею проповедью посрамили всю языческую мудрость ученых и философов и привели весь мир к подножью Креста Христова. «Бог всяческих», говорит блж. Феодорит, «неучеными победил ученых, нищими богатых, и рыбаками уловил вселенную». Для чего это нужно было? **«Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом»** (1:29), — чтобы смирить всякую гордость и надменность, чтобы показать, что мы не можем спастись сами собою, что христианство это — **путь спасения через смирение.**

В доказательство той же мысли о простоте евангельской проповеди, сильной **только** содержащейся в ней **Истиной**, св. Апостол во **второй главе** вспоминает, как он приходил в Коринф в смиренном виде с простым словом о Распятом, чтобы уверование коринфян ничем не было обязано мудрости человеческой, но лишь Богу: **«слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы»** (2:4), **«чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией»** (2:5). Для более совершенных по вере потом открывается ведение истинной премудрости — премудрости Божией, превосходящей всякое разумение человеческое и недостижимой мудрецам мира сего. **«Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей»** — это образ устроения нашего спасения в Господе Иисусе Христе со всеми исходными его началами и с необъятными последствиями во всех областях тварного бытия (2:6–8). **«Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»** (2:9). **«А нам, то есть истинным христианам, Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии»** (2:10). Проповедуя о премудрой тайне спасения людей, Апостолы имеют **«ум Христов»**, а потому принять их учение во всей глубине могут только люди **«духовные»**, то есть утвердившиеся в духовно-нравственной жизни, переродившиеся духовно и принимающие истину не умом только, но и сердцем и волею, то есть в полном проявлении своих сил и способностей. Человек **«душевный»**, то есть не очистивший еще душу свою от греховных привязанностей, живущий не духом, но низшими свойствами души, **«не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно»** (2:14).

Из содержания **третьей главы** можно предположить, что в отсутствие св. Апостола Павла из Коринфа, противники его, стараясь унижить его учение, возбуждали против него христиан, указывая, что другие проповедники Евангелия, как например, Апостол Петр и Аполлос более глубоко и красноречиво раскрывают истины учения Христова. Вероятно, отвечая на подобного рода нарекания, святой Павел пишет: **«и я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские»**, доказательством чему служат распри, споры и разделения на партии из-за разных учителей-проповедников. Затем св. Павел разъясняет,

как нужно смотреть на Апостолов. Апостолы — только слуги Божии — *«только служители, через которых вы уверовали»*, — а основание спасения во Христе Иисусе, ибо *«никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос»* (ст. 1–5 и 11). *«Я насадил»*, говорит св. Апостол Павел: *«Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все — Бог возвращающий. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы — Божия нива, Божие строение»* (ст. 6–9). Ценность труда каждого такого строителя-проповедника определится на Страшном Суде. Основание одно — Иисус Христос, но на этом основании можно строить из материалов различной ценности и прочности: из золота, серебра, драгоценных камней (чистое, здоровое учение Слова Божия) или из дерева, сена, соломы, (учение, смешанное с измышлениями человеческой мудрости или пустое красноречие). В день Страшного Суда *«огонь испытает дело каждого, каково оно есть»* (ст. 12–14). *«А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня»* (ст. 15). По отзыву блаженного Августина, это изречение св. Апостола Павла относится именно к таким, которых св. Апостол Петр называет «неудобовразумительными» (2 Пет 3:16). Эта прикровенность апостольских слов дает основание римско-католическим богословам находить в них подтверждение своему лжедогмату о загробном чистилищном огне, которым будто бы грешники очищаются по смерти. Правильному пониманию этих слов способствует то самое сравнение с пожарным огнем, охватившим дом, которое проводит св. Апостол чрез свою речь. «Кругом огонь, надо бежать сквозь него. Что тут бывает? Иной пробежит почти неопаленный, другие в разных степенях опаления, а иной так и остается в огне. Подобное сему будет с теми, коих на огне суда домики (дела) погорят. Одни пойдут в огонь, другие получают иные разные степени наказания, а иные и помилованы будут. Ибо хотя все они виноваты, что строили не из прочного материала, но виновность их может иметь разные степени. Иной может быть и без вины виноват: трудился над строением непрочным, не зная лучшего образа строения; или может быть по обстоятельствам не успел взяться за лучшее, или еще почему-либо заслуживает извинения» (еп. Феофан Затворник). Может быть, сама паства виновата, что оказалась гнилым материалом. Тогда пастырь избежит осуждения, после строгого пересмотра его жизни на неподкупном суде Божиим (спасется так, как бы из огня).

Поэтому учителям-проповедникам надо с большой осмотрительностью и осторожностью строить здание Христовой Церкви, помня, что каждый христианин есть храм Божий, так как Дух Божий, через таинства им в себя принятый, живет в нем: *«Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?»* (ст. 16). Суетные человеческие мудрования могут разорить этот храм, потому, что *«мудрость мира сего есть безумие пред Богом»* (ст. 19). *«Вы же — Христовы»* (ст. 23), то есть коль скоро вы уверовали во Христа и стали членами Его Церкви, вы принадлежите Единому Христу, а потому прилично ли вам разделяться из-за Павла, Аполлоса, Кифы или других каких учителей?

В четвертой главе св. Павел указывает, что, оценивая значение Апостолов и становясь как бы их судьями, Коринфяне проявили недостаток главной христианской добродетели — **смирения**. Коринфяне забыли, что если и есть у них что ценного, то это получили они от Апостолов. Чтобы вразумить Коринфян и возбудить в них чувства признательности и благодарности всем Апостолам **равно**, как трудящимся для их блага, святой Апостол сравнивает их положение со своим. Не успели вы, как бы говорит он, вкусить еще и начатка от плодов веры, а *«Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас»* (Ст. 8). *«Мы еще бедствуем, подвергаемся страданиям за проповедь, а вы уже и царством насладились»* (Феодорит), *«держите себя так, как будто настало уже царство славы, розданы венцы, настало блаженное ликование. Но как же это без нас? Мы трудимся, терпим всякого рода лишения, а вы уже и в царство будто вступили»* (еп. Феофан Затворник). И Апостол рисует картину всевозможных скорбей и

лишений, какие претерпевают проповедники Евангельского учения: *«нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии»* (Ст. 10) Эти противоположения надо понимать в смысле обличительной иронии. Впрочем, еп. Феофан Затворник толкует это иначе: труды и лишения Апостолов служат к славе и чести и утверждению в вере тех, кто уверовал через их проповедь. Заканчивает свое обличение святой Апостол уверением, что делает он это *«не к постыжению»* их, но к вразумлению, как *«возлюбленных детей»* своих. *«Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу»* (ст. 14–16).

Св. Апостол говорит, что хотя Коринфяне имеют *«тысячи наставников»*, но *«не много отцов»* и что он *«родил их во Христе Иисусе благовествованием»*, то есть является их **духовным отцом**. Для вразумления Коринфян св. Апостол посылает им доверенного ученика своего Тимофея и обещает вскоре и сам к ним придти. Противники св. Апостола Павла, видимо, распускали слух, что он четыре года уже не посещает Коринфа из боязни встречи там со своими соперниками, более его сильными в слове. Апостол обещает, при посещении Коринфа испытать *«не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие не в слове, а в силе»* — в жизни и в делах (ст. 17–20 [83]).

Пятая и шестая главы содержат обличения нравственных недостатков.

Вся **пятая глава** посвящена обличению блудника-кровосмесника, который взял себе в жену «жену отца своего», то есть, надо полагать, мачеху. Святой Павел укоряет Коринфян, что они возгордились, «вместо того, чтобы лучше плакать» то есть — не следовало бы Коринфянам высоко о себе думать, если возможны среди них такие гнусности. Во избежание дальнейшего соблазна, св. Апостол повелевает еще до своего прихода *«передать»* виновного *«сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа»* (ст. 1–5). Это не только отлучение от Церкви, вне которой «область сатанина», но и действительное наказание, как говорит святой Иоанн Златоуст, подобное тому, что было с Иовом, «хотя не с одинаковою силою: там для славнейших венцов, а здесь для разрешения от грехов, дабы сатана наказал его злокачественными ранами или другою какою-нибудь болезнью». «Плотской грех в плоти и наказывается», поясняет еп. Феофан Затворник: «изможденная плоть ослабит узы греха, и даст простор духу покаяться». *«Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?»* — такое строгое наказание необходимо для того, чтобы этот худой пример не заразил и других (ст. 6). Христиане вообще должны быть «новым тестом», в котором не может быть места никакой порочной закваске, то есть никакой греховной страсти. *«Так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас»* — как перед лицом агнца пасхального у Израильтян ни в одном доме не оставалось ничего квасного, так у нас перед лицом нашего Агнца пасхального, Христа Господа, не должно быть ничего греховного и страстного (ст. 7–8). Эти два стиха с присоединением к ним ст. 13–14 из 3-й гл. Галатам составляют Апостольское чтение на утрени Великой субботы. В связи с грехом кровосмесника Апостол заповедует вообще не иметь никакого общения с теми, которые называя себя христианами, не оставляют своей порочной жизни: *«с таким даже и не есть вместе»* (ст. 9–12). *«Извергните развращенного из среды вас»* — Апостол указывает что такое изъятие грешника, ради освобождения общества от греховной заразы, заповедалось еще в Ветхом Завете (Втор. 17:7).

Первая половина **шестой главы** посвящена обличению за тяжбы пред неверными в языческих судилищах (ст. 1–8), а вторая половина содержит обличения страстной жизни вообще и чревоугодия, и блуда в частности. Святой Иоанн Златоуст замечает, что собственно предшествующая речь о внутреннем суде над кровосмесником расположила Апостола сказать о том, что и внешние житейские дела христиане должны разбирать сами,

не доводя их до языческих судей, после чего Апостол опять возвращается к прежнему предмету — обличению блудной и вообще чувственной жизни. **«Разве не знаете, что святые будут судить мир?»** — Апостол говорит, как о чем-то общеизвестном, что «святые», то есть христиане «будут судить мир», а потому недостойно им обращаться в языческие судилища. «Судить» в смысле «осудят», как по словам Господа, *«царица Южная восстанет и осудит род сей»*, и *«Ниневитяне восстанут и осудят род сей»* (Мф 12:41–42), **«сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых»** (Мф 19:28) в том смысле, что уверовавшие и ставшие христианами послужат в осуждение тем, которые не уверовали. **«Разве не знаете, что мы будем судить ангелов»** — здесь имеются в виду ангелы падшие, то есть демоны. И здесь **«мы будем судить»** сказано в том же смысле: «осудим».

Далее св. Апостол указывает, что сами по себе тяжбы неприличны для христиан, обязанных жить по-братски (ст. 7). Особенно же предосудительны эти тяжбы, если они ведутся по греховным поводам с целью обидеть брата, отнять принадлежащее ему. Отсюда св. Апостол переходит к обличению всякого рода грехов, которых не должно быть в христианском обществе, как обществе святых (ст. 8–11 [88]). После этого Апостол вновь переходит к обличению блуда. Эти стихи 12–20 и читаются в неделю о Блудном Сыне. **«Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною»** — судя по тому, что дальше говорится о «пище», здесь говорится прежде всего о том, что можно вкушать всякого рода пищу. Но этой свободе христианина Апостол полагает два ограничения: первое — польза, второе — чтобы себя ничем не связать и во имя мнимой свободы таким образом не потерять свободы истинной — свободы от всякого пристрастия и греха. Поэтому христианин должен беречь себя от порабощения чувственностью: **чревоугодием** и связанной с ним страстью **блуда**. Преступность блуда в том, что он оскверняет и душу и тело и является святотатством, ибо тела наши, как и души, являются членами Христовыми и принадлежат Богу: блудник же нарушает свое единение с Господом и оскверняет свое тело, являющееся храмом живущего в нас Святого Духа (ст. 12–13; 15–16; 18–19). **«Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии»** — заканчивает свою обличительную речь Апостол.

С **седьмой главы** начинается вторая часть Послания, содержащая **наставления в нравственной христианской жизни**. В связи с последней обличительной речью о блуде, святой Апостол прежде всего дает наставления, касающиеся **брака и безбрачной жизни**, или **девства**. Основная мысль всех этих наставлений та, что девство выше брака, а потому должно быть предпочтительно христианами; но кто чувствует себя не в силах вести строго-девственную жизнь, тому лучше жениться, нежели разжигаться. Таким образом, первая нравственная цель брака — избежание блудодеяния (ст. 1–2). Муж и жена принадлежат друг другу всецело и не властны сами над собой: воздержание от брачной жизни допустимо для них лишь по взаимному согласию (ст. 3–6). Желая добра всем, святой Апостол ставит в пример безбрачным и вдовам свое собственное безбрачие, как лучшее состояние (ст. 7–8). Те же, кто неспособны понести подвиг безбрачия, должны вступать в брак, но строго хранить при этом супружескую верность и не разводиться, даже в том случае, если один из супругов неверный, ибо воля Господня вообще такова, чтобы всякому оставаться в том звании, в каком кто призван к христианству (ст. 10–24).

«Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святые» (ст. 14) — смысл этого изречения тот, что брак не должен быть расторгнут в том случае, если только один из супругов уверовал, а другой остался язычником. Иначе сказать, объясняет еп. Феофан Затворник: «брак твой, верная жена, с мужем неверным, не превратился в незаконное сожительство от того, что ты уверовала; напротив, твое уверование осватило сей брак и мужа твоего в брачном отношении». Равным образом и дети от такого брака не должны рассматриваться, как «нечистые» в смысле —

незаконнорожденные. Цель у Апостола та, чтобы предотвратить распад семейств, которое могло бы наделать много шума и вредно повлиять на дело проповеди. С другой стороны, коль скоро муж и жена неверные не отвращаются от жены и мужа верных, то есть надежда, что и они со временем обратятся, как это и говорит Апостол прямо в 16 ст.

С 25 по 40 ст. Апостол ярко выставляет преимущества безбрачия: безбрачные свободны от «скорбей по плоти», то есть скорбей и печалей всякого рода, связанных с брачной жизнью, каковых очень много (ст. 25–28); скоротечность нашей жизни и ожидание второго пришествия Христова и Страшного Суда Божия должны побуждать христиан к такому внутреннему настроению, при котором **«имеющие жен должны быть, как не имеющие»** (ст. 29–31); **«неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене»** и т. д. (ст. 32–35) — брачная жизнь создает много забот, которые мешают всецело угождать Господу, отвлекают от служения Богу. Поэтому, заключает Апостол свои наставления, лучше оставаться в девстве, хотя кто вступает в брак, тот не согрешает. (ст. 35–40).

В **восьмой главе** Святой Апостол дает наставление о характере христианской свободы по поводу вкушения идоложертвенного. Христианская свобода не в том, чтобы делать все, что заблагорассудится, руководясь своим знанием истины, которое само по себе способно надмевать, а в том, чтобы ограничивать себя во имя любви. Справедливо считая идолов за ничто, Коринфяне свободно входили в идольские капища и участвовали там в трапезах, вкушая идоложертвенное. Этим они соблазняли тех братьев, которые еще не возвысились до такого понятия о ничтожестве идолов, и, по мнению которых, вкушать идоложертвенное значило вступать в общение с идолами (это называет Апостол «идольской совестью» — ст. 7). При виде братьев, вкушающих идоложертвенное, немощная совесть их осквернялась. Сама по себе **«пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»** (ст. 8), но надо помнить, что человек нравственно-свободное существо, а потому и все деяния его, в том числе и ядение или неядение пищи, кроме физиологического, имеют еще и нравственное значение. Следовательно, не всегда может быть безразлично и безгрешно есть или не есть известного рода пищу, напр. идоложертвенную или скоромную во время установленного Церковью поста. Поэтому решительно заключает Апостол: **«если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего»** (ст. 13).

В **девятой главе** св. Апостол продолжает развивать ту же мысль о разумном пользовании христианской свободой — о необходимости ограничивать ее во имя высших целей. Здесь он говорит о своем праве получать содержание от обращенных им верующих, основываясь на древнем установлении: **«священнодействующие питаются от святилища и служащие жертвеннику берут долю от жертвенника»**(ст. 13). Но он сам добровольно отказывался от этого законного права для того, чтобы **«не поставить какой преграды благовествованию Христову»**(ст. 12). Всем и всегда он служил бескорыстно, приспособляясь к нуждам и состоянию всех и отказывая себе в необходимом, единственно ради успеха евангельской проповеди (ст. 15–23). **«Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона - как чуждый закона, - не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, - чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»** (ст. 20–22) — это образцовое правило так называемого «пастырского применения», которое широко употреблял Апостол Павел, снисходя к немощам всех классов и состояний современного ему общества для того, чтобы спасти хотя некоторых. Все вышесказанное св. Апостол прилагает затем к Коринфянам. Указав в себе пример того, как надо воздерживаться от личных пожеланий и потребностей, ради пользы ближних, св. Апостол хочет склонить к тому же и Коринфян. Для этого он употребляет хорошо им знакомый образ бегущих на ристалищах (Коринф славился Истмийскими играми) и борцов, которые для получения тленных

венцов *«воздерживаются от всего»*, что может сделать тучным и тем расслабить их тело. *«Так бегите, чтобы получить»*, увещевает Апостол (ст. 24–25). Тут Апостол снова приводит в пример себя, говоря, что он бежит не так, как на неверное, и подвигается *«не так, чтобы только бить воздух»*, то есть не напрасно, не без цели, не так, как упражняющиеся борцы, которые, по словам блж. Феодорита, «упражняясь, вместо противника против воздуха приводят в движение руки», но наносит действительные удары врагу диаволу. Для достижения цели он «усмиряет и поработает тело свое», *«дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным»*. Здесь законоположение христианского аскетизма: без обуздания потребностей тела, невозможно искоренение греховных страстей, невозможно преуспеяние в духовной жизни.

Десятая глава опять направлена против вкушения идоложертвенного. Главная мысль ее та, что вкушающие идоложертвенное причащаются бесовской трапезы. Сначала святой Апостол устрашает Коринфян случаями грозного суда Божия за уклонение к идолослужению из ветхозаветной истории Израильтян. Здесь важна в начале параллель между Израильтянами и христианами: *«Отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море»* — прохождение через Черное море было прообразом крещения, а Моисей был прообразом Христа. *«И все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос»* (ст. 1–4). Пища духовная — манна, прообразовавшая Тело Господа, а пиво духовное — вода, чудесно источенная из камня, прообразовавшая кровь Господа. Мысль та, что Подателем благодатных даров людям, как в Ветхом, так и в Новом Завете, был Один и Тот же **Христос**. Это место из Апостола читается на Богоявление при великом освящении воды. Перечислив случаи нравственного падения Израильтян и кары Божией за них, Апостол предостерегает Коринфян от опасности поддаться искушению со стороны языческих соблазнов, если они будут принимать участие в трапезе с язычниками: *«кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть»* (ст. 5–12). С 15–22 ст. Апостол внушает, что вкушение идоложертвенного есть общение с бесами, как участие в трапезе бесовской, ибо *«язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу»* (ст. 20).

С 23 по 33 ст. Апостол дает указания, как обходиться с пищей, чтобы не согрешить употреблением идоложертвенного. Прежде всего он снова повторяет мысль 6 гл. 12 ст., говоря: *«все мне позволительно, но не все полезно»* ибо Коринфяне спокойно участвовали в языческих трапезах, опираясь на право христианской свободы, злоупотребляя им. Апостол разрешает есть все, что продается на торгу, разрешает есть и все предлагаемое в гостях, хотя бы и у неверных, но *«если кто скажет вам: это идоложертвенное, — то не ешьте, ради того, кто объявил вам»*, христианин ли то или язычник: в первом случае, чтобы не соблазнить его, а во втором, чтобы оберечь свое христианское достоинство от искусителя. Все соображения Апостол покрывает всеобщим правилом: *«Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию»* (ст. 31) — дороже всего для нас слава Божия, и ее то мы и должны иметь всегда прежде всего в виду при всех случаях нашей жизни.

Одиннадцатая глава содержит обличение и исправление некоторых непорядков при церковных собраниях, именно: 1) непокровения женами голов в церкви и 2) недостойного поведения на вечерах любви.

Сущность первого наставления в том, что на общественных церковных собраниях женщины должны присутствовать с покрытой головой, а мужчины с открытой. Святой Иоанн Златоуст объясняет это наставление тем, что в Коринфе «женщины с открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали, а мужи отращивали волосы, подобно занимавшимся философией, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь в том и другом языческого закона». Св. Апостол, находя это неприличным для христиан, требует от жен, чтобы они покрывали свои головы в знак своего подчиненного положения относительно мужа. Кроме того, в те времена женщины-

язычницы ходили в свои капища открыто с нечистыми целями, и обнажение головы для женщины считалось знаком ее бесстыдства. Распутная женщина наказывалась за распутство снятием волос, почему Апостол и говорит: «если жена не хочет покрываться, пусть стрижется» (ст. 1–6)». «Сначала муж», говорит еп. Феофан Затворник, «по образу Божию, а потом как бы уже по мужнину образу из него жена, которая «и есть потому образ образа, или есть отблеск славы мужа». **«Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов»** (ст. 10). «Если ты», говорит святой Иоанн Златоуст, «не обращаешь внимания на мужа, то постыдись Ангелов». Это покрытие жены есть, таким образом, знак ее скромности, покорности и подчинения мужу. Но чтобы муж не превозносился над женой и не злоупотреблял своим главенством, Апостол далее говорит: **«впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе; ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же — от Бога»** (ст. 11–12). «Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестие для него?» — этими словами любят пользоваться сектанты против православных священников, носящих длинные волосы. Но здесь речь идет не о священниках, а о рядовых верующих и имеется в виду общепринятый обычай, в силу которого только женщины отращивают волосы, а мужчины стригутся. Сектанты забывают при этом, что, по повелению Самого Бога, мужчины давшие обет назорейства, должны были отращивать свои волосы (Числ. 6:5). Отращивание волос у современных православных священников и монахов, имеет в себе точно ту же самую идею назорейства, то есть посвящения себя Богу.

С 17 по 34 стих св. Апостол обличает непорядки, происходившие у Коринфян на вечерах любви. Как в первой христианской общине в Иерусалиме было все общее, и все верующие сходились вместе, чтобы вкушать пищу за общим столом, так обычай этот долгое время еще сохранялся и поддерживался во всех древних христианских общинах. По окончании Богослужения и причащения Святых Христовых Тайн устраивалась для всех общая трапеза, причем богатые приносили яства, а бедные, ничего не имевшие, приглашались ими и таким образом вкушали пищу все вместе. Это и были так называемые **«вечери любви»**. Апостол обличает Коринфян прежде всего в том, что, когда они собираются в церковь, «между ними бывают разделения», то есть что они делятся на группы, или по семьям или по знакомствам, забывая бедных, чем разрушалась самая цель установления этих «вечери любви». Располагая к благоговейному участию в вечерах любви святой Апостол говорит в ст. 23–32 об учреждении Таинства Евхаристии, совершение которого обычно предшествовало вечерам любви. Это место положено по уставу читать на литургии Великого Четверга. Тут для нас особенно важны слова: **«кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней»**. Эти слова примечательны по их догматической важности: хлеб есть истинное Тело Христово, значит, а вино — Истинная Кровь Христова, а не только символы, как нечестиво учат крайние протестанты и сектанты. Поэтому и говорит дальше Апостол: **«да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей»** — то есть желающий причаститься должен подготовить себя к этому испытанием совести и устранением препятствий к достойному причащению. Для этого в Православной Церкви и установлено пред причащением говение и исповедь. Это совершенно необходимо, ибо **«кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем»** (ст. 27–29). В заключение в ст. 33–34 Апостол увещевает, чтобы на вечерах любви «ждали друг друга», то есть вкушали пищу чинно, не бросаясь с жадностью и упреждая других. **«Прочее устрой, когда приду»** (ст. 34) — это важно: все от Апостолов — все порядки в Церкви установлены ими, хотя и не все изложено в Священном Писании.

Двенадцатая глава говорит о духовных дарах в Церкви. Отличительной особенностью жизни Церкви Христовой в век Апостольский было чрезвычайное проявление благодати Божией, в виде духовных дарований, какими обладали верующие. Апостол перечисляет здесь следующие духовные дарования: дар мудрости, знания, веры, чудотворения,

пророчества, различения духов, дар языков, и их истолкования. Эти дарования должны были содействовать успеху евангельской проповеди среди неверующих. Но среди Коринфян многие стали смотреть на эти благодатные проявления Духа Святого, как на повод к тщеславию и превозношению. Пытаясь овладеть более поразительным даром, некоторые впадали даже в самообольщение, и не обладая никаким даром, неистовствовали, произнося нечленораздельные и никому не понятные слова, а иногда, в омрачении ума и сердца, выкрикивали богохульные мысли, произнося, например, анафему на Иисуса. Тут сказалось влияние языческих прорицательниц в роде Пифии или Сибиллы. В искусственно-вызываемом ложном вдохновении, они с пеной у рта, с распущенными волосами выкрикивали или непонятные или двусмысленные изречения и производили сильное впечатление на людей, настойчиво домогавшихся у них ответов. Таковы, например, и современные сектанты — хлысты, пятидесятники.

Апостол предостерегает христиан от языческого взгляда на духовные дарования и отношение к ним. Он разъясняет, что все духовные дарования в Церкви есть действия Единого Духа Божия (ст. 3–11). Поэтому как не может находящийся под наитием Святого Духа произнести хулы на Бога, так не должно быть никакого соперничества между обладающими различными духовными дарованиями. Как тело человека состоит из разных членов, и каждый из них имеет свое особое определенное назначение, и между ними не может быть соперничества, так и в Церкви не может быть соперничества между христианами, составляющими единое Тело Христово, в котором каждому поручено свое особое служение: одним Апостольское, другим пророческое, третьим учительское, иные получили дар чудотворения, иные — исцеления, вспоможения, управления, разных языков (ст. 12–30). Апостол советует Коринфянам ревновать о «дарах больших». Большой же из всех благодатных даров это дар любви. Ему и посвящена следующая глава.

Тринадцатая глава справедливо именуется некоторыми «дивным гимном христианской любви». Только одна любовь и дает истинный смысл и истинную цену духовным дарованиям и подвигам человеческим. Без любви человек может говорить всеми языками человеческими и даже ангельскими, но речь его будет, *«медь звенящая или кимвал звучащий»*. Без любви человек — **ничто**, хотя бы он имел дар пророчества и знал все тайны, и имел все познания и всю веру, которая двигала бы горами. Без любви не имеют никакого значения даже такие подвиги самоотвержения, как раздача всего своего имени и предания тела своего на сожжение.

Ст. 4–7 посвящены характеристике любви. Свойства любви таковы, что она поистине является исполнением всего закона, по выражению св. Апостола Павла (Рим 13:10). Это — долготерпение, милосердие, отсутствие зависти, хвастовства, гордости, духа бесчинства, бескорыстие, негневливость, забвение обид и оскорблений, отсутствие радости при несчастьях других, любовь к правде, полная вера, твердая надежда и готовность переносить всякие скорби. Проповедь, дар языков и знания суть только временно-необходимые дарования, а любовь останется вечно, она *«никогда не перестает»* (ст. 8–10). То можно назвать лепетом, мыслями и рассуждениями младенца, а любовь есть принадлежность совершенного человека, когда он увидит Бога, не как сквозь тусклое стекло, не гадательно, но лицом к лицу и познает Его не отчасти, но вполне, точно так, как теперь знают человека (ст. 11–12). *«А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»* (ст. 13) — это самые высшие дарования, но и из них выше всех **любовь**, потому что как говорит святой Иоанн Златоуст, «вера и надежда прекращаются, — когда являются блага, составляющие предмет веры и надежды» (то есть в будущем веке). «В будущей жизни излишня вера», говорит блаж. Феодорит, «когда явным соделаются самые вещи» (т. е. когда воочию явлен будет объект верования). Также излишня там и надежда. Но любовь тем паче возимеет силу, когда упокоятся страсти, тела сделаются нетленными, а души не будут избирать ныне то, а завтра другое».

В **четырнадцатой** главе св. Апостол говорит о пользовании двумя духовными дарами: **даром пророчества** и **даром языков**. Сначала в ст. 1–25 он раскрывает превосходство первого дара над вторым, потом в ст. 26–38 наставляет, как надлежит пользоваться тем и другим даром в церкви и, наконец, в ст. 30–40 делает заключительный вывод о сих двух дарах, подчеркивая, что в церкви все должно быть **«благообразно и по чину»**. Превосходство дара пророчества пред даром языков то, что кто пророчествует, то есть понятно изрекает волю Божию не только о будущем, но и прошедшем и настоящем, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение, а говорящего на незнакомом языке никто не понимает, кроме знающих этот язык. Для непонимающих этого языка, говорить так — значит «говорить на ветер». Это все равно, что нестройные и спутанные звуки разных инструментов (ст. 7–9). Чрезмерное увлечение даром языков есть своего рода **младенчество и ребячество**, недостойное совершенных христиан. Поэтому, увещает Апостол: **«не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни»** (ст. 20). Смысл этого наставления тот же, что в словах Христовых: **«будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»** (Мф 10:16), то есть: не знайте злобы как младенцы, но по уму будьте совершеннолетними. Такое младенческое увлечение даром языков есть и пренебрежение к верующим (ст. 22) и подавание повода к посмеянию от неверных (ст. 23). Общее правило для всех обладателей чрезвычайных благодатных даров: **«все сие да будет к назиданию»**, то есть: все должно быть к общему назиданию (ст. 26). Если есть говорящие на иностранных языках, то они должны говорить не все сразу, а порознь, а один должен изъяснять; пророчествующие тоже поучать по очереди и тотчас прекращать слово, когда иные получают откровение, чтобы не было беспорядка в церкви, ибо «Бог не есть Бог неустройства, но мира» (ст. 27–33). **«Жены ваши в церквах да молчат»** (ст. 34) — научая женщин скромности и повиновению мужьям, св. Апостол запрещает им не только учить в церкви, но даже спрашивать о чем-нибудь: **«ибо неприлично жене говорить в церкви»** (ст. 35). В заключение Апостол предлагает ревновать о даре пророчества, но не запрещает говорить и языками, напоминая, что главное в церкви это благопристойность и порядок: **«всё должно быть благопристойно и чинно»** (ст. 40).

Пятнадцатая глава представляет собою чрезвычайно важный в догматическом отношении трактат о **воскресении мертвых**. Надо полагать, что среди Коринфских христиан, под влиянием языческих философов, являлись сомнения в великой истине воскресения мертвых. Когда Апостол Павел стал говорить о воскресении мертвых в Афинах, то некоторые насмеялись над ним (Деян 17:32). Подобные философы, которым воскресение мертвых казалось невероятным, могли быть и в Коринфе. Одни, видимо, совсем отвергали воскресение мертвых, другие говорили, что надо понимать его аллегорически и что оно уже было, так как под ним надо понимать очищение души. В послании к Тимофею (2 Тим 2:17–18) св. Павел назвал это нечестивое учение гангреной (раком) и указал распространителей его — Именюя и Филита, которые говорили, что воскресение уже было. Некоторые только недоумевали, как восстанут мертвые и в каком теле. Прежде всего св. Апостол доказывает истину воскресения Господа Иисуса Христа из мертвых, ссылаясь на явления Воскресшего Христа Петру (Кифе), двенадцати Апостолам, 500 братьям, Апостолу Иакову, всем другим ученикам Христовым и, наконец, самому Апостолу Павлу (ст. 1–8). Из истины Воскресения Христова святой Павел выводит затем, как неизбежное следствие, истину и общего воскресения всех в predetermined Богом время, ибо Своим воскресением Христос положил начало и нашему воскресению, как **«первенец из умерших»** (ст. 20).

Если только допустить мысль, что всеобщего воскресения не будет, то надо отвергнуть тогда и истину воскресения Христова. А это отрицание ниспровергает все христианство, ибо **«если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша»** (ст. 14). Между тем проповедь Апостолов сопровождалась столь поразительными знамениями и такими замечательными дарами Святого Духа, что назвать ее тщетной

никто из благоразумных людей не решился бы. *«А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших»* (ст. 17), *«поэтому и умершие во Христе погибли, и если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков»* (ст. 18–19). Ибо на чем основывается вера в отпущение грехов? На том, что Христос, умерши на кресте, принес за них искупительную жертву, а то, что жертва сия принята, это свидетельствуется Его воскресением. Если Он не воскрес, то жертва Его не принята, и смерть Его обыкновенная человеческая смерть, не могущая иметь искупительного значения. Тогда и умершие в вере и претерпевшие мученичество за Христа — не более, как несчастные, погибшие люди. Тогда христиане вообще оказываются несчастнейшими из людей: и здесь всего лишаются, подвергаясь гонениям и сами себя ограничивая, и там, в будущей жизни, на которую надеются, ничего не получают. Тогда нет никакого смысла руководиться в жизни нравственными правилами и бороться со своими греховными наклонностями. Тогда больше смысла будет руководиться правилами языческой школы эпикурейцев: *«станем есть и пить, ибо завтра умрем»* (ст. 32). Таким образом отрицание воскресения мертвых есть подрыв всей христианской нравственности.

Далее Апостол из истины воскресения Христова выводит истину всеобщего воскресения мертвых, ибо Христос — родоначальник обновленного Им человечества, Новый Адам: *«как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут»* (ст. 20–28). Далее Апостол говорит, что отрицание истины воскресения мертвых привело бы к признанию бесцельности крещения, которое не имело бы никакого смысла, все труды и подвиги Апостолов были бы тогда тщетными и вся нравственность ниспроверглась бы (ст. 29–32). Желая предостеречь Коринфян от вредного для них общения с язычниками, которые, по-видимому, и заразили их неверием в бессмертие, Апостол употребляет древнее присловье: *«худые сообщества развращают добрые нравы»* и стыдит их, что они *«не знают Бога»*, то есть по язычески не представляют себе всемогущества Божия, которое сильно воскресить умерших (ст. 33–34).

Лекция 3. Второе Послание к Коринфянам

Повод к написанию

Первое Послание Апостола Павла произвело надлежащее действие на Коринфян: беспорядки были устранены, сами виновники их частью удалены, частью усмирились. Коринфяне приняли Послание с любовью и страхом и, признавая в Павле Апостольское достоинство, горели желанием видеть его лично.

Между тем, в Ефесе с Апостолом произошли неприятности ([Деян. 19:29–40](#)). Димитрий, среброковач Ефесский, во главе других издельщиков серебряных изваяний храма Артемиды Ефесской, возмутил общество язычников против Апостола и едва не довёл его до смерти. Павел принуждён был удалиться в Македонию ([Деян. 20:1](#)) и сухим путём достиг Троицы. Здесь он поджидал к себе возвращения Тита ([2Кор. 3:12–13](#)), которого ещё прежде отправил в Коринф с другим учеником для сбора милостыни ([2Кор. 8:16–19](#)), а также с целью узнать, какое впечатление произведёт на Коринфян его Послание ([2Кор. 2:12–13](#)).

Не дождавшись его в Троице, Апостол с большим беспокойством продолжал свой путь в Македонии, и уже в Филиппах был обрадован пришествием Тита ([2Кор. 7:5–7](#)). Тит сообщил ему о благоприятном изменении Коринфян от действия Послания Апостола; но добавил, что долгое отсутствие Апостола в Коринфе дало повод лжеучителям заподозрить Павла в боязливости, в непостоянстве самого его учения ([2Кор. 1:17](#)), а иудействующим внушило мысль воспользоваться отсутствием Апостола и обвинить его в разрушении Закона Моисеева и, стало быть, в неправильном изъяснении Христианства по отношению к иудейству (2:17). Задерживаемый делами проповеди в Македонии, Апостол решился снова писать в Коринф и отправил *второе Послание* через Тита.

Место и время написания Послания

Во время отправления Послания Апостол находился в Македонии и, как утверждают древние подписи, в Филиппах. В самом Послании есть следы тогдашнего пребывания Апостола в Македонии. Так, он говорит об успешном сборе для Иерусалимской Церкви милостыни у Македонян и о том, что он перед Македонянами восхвалял усердие Коринфян к этому делу ([2Кор. 7:5–7](#); 8:1,3,8,11; 9:2,4). Судя по отрывочности содержания Послания и изменениям тона, можно думать, что Послание написано во время переходов Апостола с одного места в другое.

Время Послания почти единогласно определяется вскоре после первого Послания, и даже в том же 58-м году.

«Ахаия от мимошедшего лета приготовися (к отправлению милостыни), и яже от вас ревность (в деле благотворительности) раздражи многих» (9:2), говорит Апостол. Ещё точнее это время вычисляется указаниями книги Деяний. После праздника Пасхи следующего года Апостол оставил Филиппы ([Деян. 20:6](#)). Восходя от этого времени назад и отделяя небольшое время на путешествие Апостола Павла из Эллады в Македонию, присчитывая сюда три месяца, проведённых в Элладе ([Деян. 20:3](#)) и на путешествие Тита в Ахаию ([2Кор. 8:6,18](#); 9:2), мы придём к выводу, что Послание могло появиться не позже Ноября 58 года.

Цель Послания

Обстоятельства происхождения Послания достаточно выясняют цель, которую имел Апостол при написании своего второго Послания к Коринфянам. Объяснить им причину своего поведения и в особенности замедления прихода в Коринф и через то дать им надлежащее понятие о себе и о своих действиях – это главное; потом – разоблачить хитрость и клевету лжеучителей, которые, опираясь на известные в Церкви авторитеты, смущали Коринфян своими лжеучениями и подрывали авторитет самого Павла; наконец, устранив все недоразумения и возвысив собственное достоинство в глазах Коринфян, Апостол облегчает путь собиранию милостыни, необходимой для Палестинских Церквей, членами которых были христиане из колена Авраамова; всё это Апостол имел в виду при написании Послания.

По важности вопроса о личном достоинстве Апостола и по возбуждённому состоянию духа, в котором находился он при написании Послания, второе Послание получило характер живости, дышит глубоким трогательным чувством убеждения и обличения и отличается порывистыми переходами от одного предмета к другому. От этого между частями Послания нет строгой связи и последовательности. (проф. А.В. Иванов)

Экзегетический разбор второго Послания к Коринфянам (Аверкий (Таушев))

Все послание проникнуто чувством скорби, навеянном на душу Апостола тяжелыми условиями апостольского служения, но эта скорбь не угнетает Апостола: она без остатка растворяется в той силе веры и в том сознании правоты своего дела и святости исполняемого долга, какое было постоянной отличительной чертой св. Апостола Павла.

Начинается послание обычным надписанием от имени самого Апостола Павла и ученика его Тимофея и преподанием апостольского благословения не только Коринфянам, но и всем христианам Ахаии. Сказав затем, что цель всех своих страданий и утешений он полагает в утешении и спасении Коринфян, Апостол извещает о приключившейся ему было смертной опасности в Азии, от которой избавил его Господь при содействии молитв Коринфской Церкви (ст. 1–11). Далее начиная с 12 ст. **первой главы** и во **второй главе** св. Апостол извещает Коринфян о перенесенных им скорбях и гонениях в Малой Азии, объясняет замедления в личном посещении им Коринфа желанием видеть их покаявшимися и выражает свою радость по поводу того, что они уже начали работать над своим нравственным исправлением.

В 17–20 ст. первой главы св. Апостол возражает тем клеветникам, которые пытались обвинять его в изменчивости и тем набросить тень на самую проповедь его, как такую же изменчивую, сбивчивую и лживую. *«Верен Бог, что слово наше к вам не было то "да", то "нет". Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был "да" и "нет"; но в Нем было "да", ... в славу Божию, через нас»* (1:18–20). Смысл этих слов тот, что проповедь св. Апостола так же тверда и неизменна, как неизменен Сам Христос. *«Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши»* (ст. 21–22) — здесь идет речь о таинстве Миропомазания, для тайносовершительной формулы которого отсюда взяты слова: **«печать дара Духа Святого»**. Смысл этих слов Апостола таков: в том, что возвещенное мною вам учение верно, доказательством служит полученная вами в миропомазании печать дара Духа Святого. *«Бога призываю во свидетели на душу мою»* ... — слова, свидетельствующие о допустимости клятвы в важных случаях (ст. 23). Клятвенно свидетельствуясь Богом, св. Апостол открывает Коринфянам истинную причину замедления прихода к ним, что, **щадя самих же Коринфян**, он не шел к ним до сих пор, чтобы не поступать с ними так, как поступал бы, если бы хотел только «брать власть над их верою», то есть думал бы со всею строгостью вести себя начальником над всем строем их религиозной жизни. Иными словами, Апостол хотел, чтобы они сами исправили у себя все свои погрешности, дабы встреча их с Апостолом была радостной, без всяких взаимных огорчений.

О том же говорит св. Апостол и во **второй главе**: он не хотел приходить к Коринфянам *«с огорчением»*, а потому предоставил им самим произвести суд над тем, кто и его, и их крайне огорчил, то есть над кровосмесником. Но так как виновник покаялся, то Апостол разрешает простить его, чтобы он *«не был поглощён чрезмерною печалью»* и чтобы не восторжествовал тогда сатана (ст. 1–11).

С 2:12 до 7:1 св. Апостол рассуждает о **высоте христианского откровения, или евангельской истине, и о том, как эта истина водворяется на земле**. К рассуждению об этом св. Апостол был подвигнут как бы внезапно, вспомнив о перемене плана своего путешествия и о том, как придя в Македонию, он встретил там Тита и был обрадован им вестями о благоприятном действии своего первого послания (ст. 12–13). Апостол благодарит Бога, *«который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте»* (ст. 14). Первое свойство и действие Евангельского Откровения то, что оно не нуждается в посторонних одобрениях для себя: оно само дает себя чувствовать, как всюду разносящееся благоухание: *«мы Христово благоухание Богу»*, (ст. 15) хотя это благоухание и производит неодинаковое действие на людей, в зависимости от их внутренней настроенности: для одних оно живительно, а для других смертоносно. Вины Апостолов тут нет, ибо они проповедают чистое и неповрежденное учение Христово (ст. 14–17).

В **третьей и четвертой главах** святой Апостол говорит о превосходстве новозаветного откровения пред ветхозаветным и указывает характерные свойства истинных проповедников Евангелия и самой евангельской проповеди.

Как видно из **третьей главы**, противники Апостола — руководители иудействующей партии — хвалились перед Коринфянами тем, что имеют одобрительные (рекомендательные) письма из Иерусалима и, вероятно, говорили, что деятельность Апостола Павла, будто бы унижающего в своей проповеди Ветхозаветный закон, не одобряется иерусалимскими христианами. В ответ на это св. Апостол утверждает, что Новозаветное откровение не нуждается ни в каких посторонних одобрениях для себя. Оно само за себя говорит, и лучшей рекомендацией для него служит вера и добрая жизнь принявших его. *«Вы — наше письмо, написанное в сердцах наших»*, говорит св. Апостол: *«узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы — письмо Христово, чрез служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца»* (ст. 1–3).

Такая уверенность Апостола в плодотворности его проповеднической деятельности покоится на вдохновении, полученном от Самого Господа Иисуса Христа. Христианское откровение не зависит от достоинства и способностей проповедников, но само прославляет самих проповедников. Если служение букве — закону Ветхозаветному, не дававшему оправдания человеку, доставляло такую славу его служителям, что на Моисея не могли смотреть, когда он был без покрывала на лице, — то тем более славы дает служение духу — Завету Новому, оправдывающему грешного человека пред Богом. Что значит здесь изречение: *«буква убивает, а дух животворит»* и почему св. Апостол назвал Ветхозаветный закон «смертоносными буквами»?

Прекрасно объясняет это св. Иоанн Златоуст: «Закон, если поймает убийцу, то осуждает его на смерть, а если поймает убийцу благодать, то она освящает и оживляет его. Но что я говорю об убийце? Закон и того схватил и побил камнями, который собирал дрова в субботу. Вот, что значит — буква убивает. Напротив, благодать ловит бесчисленных человекоубийц и разбойников и, омыв их водами крещения, разрешает от прежних зол. Вот что значит: **дух животворит**». Как служители духа, св. Апостолы действуют с великим дерзновением и не закрывают покрывалом, то есть иносказаниями, или притчами, великих таин Божественного домостроительства, ибо Христос снял покрывало, лежавшее на Ветхом Завете. И только для слепо привязанных к Ветхому Завету иудеев и иудействующих *«то же самое покрывало остается неснятым при чтении Ветхого Завета ... Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их, но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается»* (ст. 4–16). *«Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода»* (ст. 17) — выражение не вполне ясное, которое толкуется различно, смотря по тому, Кого понимать здесь под «Духом», третье лицо Пресвятой Троицы — Духа Святого или Божество вообще, как Существо духовное. Во всяком случае смысл этого изречения таков: если в Ветхом завете многосложность разных законных предписаний стесняла свободу, то в Новом завете благодать Святого Духа дала нам возможность **свободно** приближаться к Самому Господу Иисусу Христу, взирая на славу Его и преобразаясь сами *«в тот же образ от славы в славу»* (ст. 18).

В **четвертой главе** излагаются характерные свойства истинных проповедников Евангелия, которые, несмотря на все тяготы своего служения, «не унывают», ибо они «не себя проповедают, но Христа Иисуса Господа» (ст. 1 и ст. 5). Эти проповедники Евангелия, озаренные свыше и просвещенные *«познанием славы Божией в лице Иисуса Христа»*, сами по себе, как люди, немощны. Они носят великое сокровище Евангельской истины, как бы в глиняных сосудах. Это для того, *«чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу»*, а не им (ст. 7). Но сила Божия явно сказывается в этих хрупких, по-видимому, скудельных сосудах, которые по естественным соображениям должны были бы легко сокрушиться, при всех тех напастях, которые на них обрушиваются при исполнении ими своего служения: *«Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибам. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем»* (ст. 8–10) — как страдал Сам Господь, так страдают и проповедники Его учения, но как жизнь в Нем восторжествовала над смертью, так эта животворящая сила живет и действует и в Апостолах, а чрез них передается и всем верующим. Постоянная смертная опасность, в какой находятся Апостолы не устрашает их, поскольку они воодушевляются надеждой на всеобщее воскресение мертвых (ст. 11–15). К тому же эти телесные страдания приносят великую пользу душе, ибо *«но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (ст. 16–18).

В **пятой главе**, продолжая ту же речь, св. Апостол говорит, что их, истинных проповедников Евангелия, не страшит смерть, потому, что они с разрушением этой земной *«храмины тела»*, имеют *«от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный»* (ст. 1). Апостол говорит даже, что они сами «воздыхают», желая *«облечься в небесное наше жилище»*, то есть в будущее тело нетленное и светоносное (Св. Иоанн

Златоуст). *«Только бы нам и одетым не оказаться нагими»*, то есть лишенными добрых дел и славы Божией (ст. 3). Делая далее объяснение, в каком смысле желательно сбросить теперешнее тело, Апостол говорит: *«Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем»*, конечно немощей и страстей телесных, от которого и жаждем избавиться. Неправильно думать, что мы совсем хотим *«совлечься»* тела: *«не хотим совлечься, но облечься»*, то есть, так сказать, переодеться в нетленное и бессмертное тело, *«чтобы смертное поглощено было жизнью»*, ибо *«на сие самое и создал нас Бог»*, то есть для нетленной и бессмертной жизни по духу и телу» (ст. 4–5).

Далее Апостол объясняет, что описывает он свою проповедническую деятельность, полную лишений и страданий, не для самовосхваления, но для того, чтобы дать Коринфянам оружие против смущающих их клеветников: чтобы они могли *«что сказать тем, которые хвалятся лицом, а не сердцем»*, (ст. 6–12). Коринфские возмутители свой авторитет доказывали, между прочим, тем, что они знали Христа по плоти и лично слышали Его учение. Имея это в виду, Апостол утверждает, что важно не знание Христа по плоти, а жизнь по духу Его учения. Христос умер за всех, и все должны умереть для прежней греховной жизни и стать *«новой тварью во Христе»*: *«Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое»* (ст. 13–17). Сущность христианства, это полное обновление жизни чрез примирение людей с Богом Иисусом Христом, а Апостолы это — *«посланники от имени Христова»*, которые от имени Христова просят: *«примиритесь с Богом»* (ст. 18–21), Который *«Незнавшего греха»*, то есть Иисуса, *«сделал для нас жертвой за грех, чтобы мы в Нем сделали праведными пред Богом»*.

В **шестой главе** св. Апостол Павел дает горячую отповедь клеветникам, которые старались внушить Коринфянам, что причина гонений и лишений, испытываемых Апостолом Павлом, лежит в его личных недостатках, благодаря чему он не пользуется уважением и любовью народа, среди коего проповедует, и этим тормозит успех евангельской проповеди. Проповедуя, что теперь настало *«время благоприятное»* для примирения с Богом и спасения, *«мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии»* (ст. 6) и далее с большой внутренней силой Апостол рисует яркую картину несоответствия между теснотой и угнетенностью своего положения и величием подвигов, подъятых для того, чтобы не подать никакого повода к претыканию верующим. В этих стихах 1–13 начертан высокий идеал христианского служения долгу до полного самоотвержения, служения твердого и неуклонного, черпающего силы среди гонений и лишений в сознании правоты своего дела и в надежде на всемогущую помощь Божию.

Открыв Коринфянам свое сердце, исполненное любовью к ним, Апостол призывает и их к ответной любви и доверию к нему: *«В равное возмездие, - говорю, как детям, — распространитесь и вы»*, то есть: как я вас люблю, так в равное возмездие расширьтесь и вы любовью ко мне, как к своему духовному отцу, и принимайте с полным доверием предлагаемое мною вам учение. Для этого необходимо прежде всего совершенно отказаться от всякого общения с язычниками: *«Что общего у света с тьмою?»* или *«Какое согласие между Христом и Велиаром?»* Итак: *«И потому выйдите из среды их и отделитесь, и не прикасайтесь к нечистому»* (ст. 14–18).

В **седьмой главе**, продолжая ту же речь, Св. Апостол призывает Коринфян *«очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием»* (ст. 1) и затем выражает радость и утешение, доставленные ему возвращением Тита и всем, что он видел и встречал в Коринфе. Апостол радуется нравственному исправлению Коринфян так, что готов забыть все свои скорби (ст. 4–17). Он не жалеет, что опечалил их своим первым посланием, ибо печаль ради Бога не только не вредна, но напротив приносит великую духовную пользу, так как ведет к покаянию: *«Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть»* (ст. 8–10). Печаль, вызванная посланием Апостола, произвела благодетельный нравственный

переворот в Коринфянах, пожелавших исправить все нравственные недочеты в своей среде. Апостол радуется, что Коринфяне оправдали его доверие к ним, не посрамили своего учителя, и он может положиться на них (ст. 11–16).

Главы восьмая и девятая представляют собою чисто **практическую часть послания**. В них св. Апостол располагает Коринфян к сбору милости в пользу бедствующих иерусалимских христиан. К этому св. Павел убеждает:

- 1) Примером Македонских церквей, небогатых, но проявивших большую щедродательность (ст. 1–8);
- 2) Указанием на Господа Иисуса Христа, *«что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою»* (ст. 9).
- 3) Напоминанием того, что сами Коринфяне еще с прошлого года усердно желали помочь бедным братьям своим (ст. 10–12);
- 4) Мыслью о великой пользе взаимопомощи и что пожертвования требуются лишь посильные, кто, что может, в духе той равномерности, какая соблюдалась израильтянами при сборе манны в пустыне (ст. 13–15). Св. Апостол говорит, что он уже хвалил Коринфян за их жертвенность, и им следует оправдать эту похвалу, дабы она не оказалась тщетной. Кроме того, Апостол удостоверяет совершенную благонадежность лиц, посланных для сбора пожертвований — Тита и другого брата, во всех церквях похваляемого за благовестование (ст. 16–24 и 9 глава ст. 1–5). Во второй половине 9-ой главы св. Апостол увещевает жертвовать без огорчения, добровольно и щедро, ибо мера доброхотной щедрости — мера Божия благословения: *«кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет»* (ст. 6), *«ибо доброхотно дающего любит Бог»* (ст. 7). Бог вознаграждает щедро благотворящих ближним, а кроме того христианская благотворительность тем полезна, что она приводит в движение всю религиозную жизнь христианских обществ и много содействует славе Церкви (ст. 8–15).

Главы десятая, одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая с 1 по 10 ст. представляют собою **защитительную часть послания**. Здесь Апостол снова переходит к защите своего Апостольского достоинства от клеветников, которые распускали в Коринфе ложные о нем слухи и мнения, желая подорвать в глазах Коринфян его авторитет. Эти главы послания по тону своему резко отличаются от предыдущих строгостью тона. Можно думать, что они написаны после получения Апостолом новых известий о наветах на него Коринфских лжеучителей. Тон властного авторитета и чувство подавленного любовью негодования придает этим главам послания особенную силу и выразительность.

Исходным пунктом для своих порицаний противники св. Апостола Павла взяли следующее обстоятельство. Как поясняет еп. Феофан, Вышенский Затворник, «Святой Павел не был показан телом и здоровья был слабого. Речь его при личном благовестии отличалась тихостью и кроткою убедительностью. Он умолял веровать в Распятого, а не указ с неба предъявлял, чтобы слышащие веровали. А в послании, когда писал уже к верующим, слово его было строго и властно. Эту разность противники его взяли за исходный пункт для порицаний. Говорили: *«лично ... скромн», а «заочно ... отважен:»* «в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна» (10 гл. 1 и 10). «Это бы и не так было смутительно», говорит еп. Феофан Затворник: «но в объяснение такой разности вставлялось нечто такое, почему иные могли почитать св. Павла *«по плоти ходящим»* (т. е. поступающим, как человек малодуховный, светский), а это, в свою очередь, подрывало доверие и к проповедуемому им учению. Вот почему св. Апостол Павел и счел нужным решительно защищать свой Апостольский авторитет.

В **десятой главе** св. Павел, говорит, что он и в лицо бывает таким же строгим, по надобности, как и в своих посланиях, и просит Коринфян не заставлять его употреблять эту строгость, когда придет к ним (ст. 1–11). К строгости этой уполномочивает св. Павла самое его Апостольское звание, которое он защищает и доказывает указанием на назначенный ему Самим Богом проповеднический удел: *«Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь»*. (ст. 12–18). Противники Апостола сами себя

хвалят, воображая себя главными деятелями в Коринфе, после того, как св. Павел насадил там христианство, а св. Апостол *хвалится о Господе*, то есть не себя хвалит, а Божию силу и Божий дар, побуждающие его ходить и проповедовать.

В одиннадцатой главе св. Апостол, употребляя множество оговорок и имея единственной целью спасение слушателей, перечисляет все, что может служить в похвалу ему, освобождая его от нареканий клеветников. Так, прежде всего он подчеркивает свое полное бескорыстие, что он благовествовал Коринфянам *«безмездно»*, никому не докучая, и стараясь никому не быть в тягость (ст. 1–10). Тут же Апостол объясняет, что он не хотел ничем материальным пользоваться от Коринфян, не по недостатку любви к ним, а ради того, чтобы не быть похожим на тех *«лжеапостолов»*, которые их объедают и обируют. Их св. Павел называет *«льстивыми (лукавыми) делателями»* и говорит, что они только вид принимают апостолов Христовых, не будучи в действительности таковыми, что не удивительно: *«сам сатана принимает вид Ангела света»* (ст. 11–21). Напрасно хвалятся они своими плотскими преимуществами, ибо этих преимуществ у св. Апостола гораздо больше. И он перечисляет все труды свои и скорби, какие пришлось ему перенести за благовествование Христово, отчасти только рассказанные в книге Деяний Апостольских. Перечисляя все те гонения и истязания, которые ему пришлось испытать, св. Апостол все подвиги свои приписывает благодати Божией, а себе только немощи: *«Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею»* (ст. 22–23).

В двенадцатой главе св. Павел свое Апостольское звание защищает и доказывает указанием на свое восхищение до третьего неба, где он испытал блаженнейшее состояние и где слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Апостол говорит о себе, как о другом лице: *«знаю человека...»*. Св. Иоанн Златоуст поясняет, что св. Павел говорит так *«для того, чтобы и сим показать, как неохотно приступает к делу»*, то есть как неприятно ему говорить что-либо в похвалу себе, что он говорит это лишь по вынужденной необходимости защищать высоту своего Апостольского достоинства от клеветников. Под *«третьим небом»*, как рассуждает блж. Феодорит, следует понимать рай. Было это *«прежде лет четырнадцати»*. Если послание написано в 58 г., то видение падает на 44 год, когда св. Павел и Варнава носили милостыню в Иерусалим, а затем были отделены Духом Святым на великое служение проповеди Евангелия язычникам (Деян 13:2–3).

Тут же Апостол добавляет, что в предупреждение превозношения чрезвычайностью получаемых им откровений *«дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился»*. *«Обыкновенно думалось»*, говорит еп. Феофан Затворник: *«что жало в плоть, ангел сатаны»*, есть нечто смущавшее и беспокоившее св. Павла со стороны плоти и находившееся в самой плоти. Новые толковники признали, что св. Павел говорит здесь о движениях похоти плотской. Но похоть плотская что за особенность? Ее испытывают все, и не только безбрачные, но и брачные. А св. Павел образом выражения своего дает мысль, что ему дано нечто особенное, что не всем обще. К тому же данный ему пакостник *«колафизи»*, бьет по щекам, немилостиво, жестоко действует, а похоть плотская есть самый льстивый и вкрадчивый враг. Потому эту мысль принять нельзя.

Наши толковники полагают, что св. Павел говорит здесь, также, как и прежде, **о внешних бедствиях** и о неприязненности со стороны врагов Евангелия, кои суть орудия сатаны». Св. Иоанн Златоуст говорит, что слова Апостола имеют такой смысл: *«Бог не благоволил, чтобы проповедь наша распространялась беспрепятственно, желая смирить наше высокое о себе мнение; но попустил противникам нападать на нас»*. От этих то наветов вражьих и молил Апостол освободить его *«трикраты»*, в смысле *«многократно»* (св. Иоанн Златоуст), но услышал ответ Господа: *«довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»*, то есть: *«довольно для тебя, что ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, очищаешь прокаженных и творишь другие чудеса. Не домогайся того, чтобы жить в безопасности, без страха, и проповедовать без труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многие коварствуют против тебя,*

терзают тебя, гонят и бьют тебя бичами. Сие самое и показывает Мою силу. *«Сила Моя совершается в немощи»*, то есть когда вы гонимые одерживаете верх над гонителями, когда вы преследуемые побеждаете своих преследователей, когда вы связываемые обращаете в бегство связывающих (св. Иоанн Златоуст). Поэтому и говорит дальше Апостол: «посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо когда я немощен, тогда силен», ибо тогда наипаче действует благодать Божия. Наконец Апостольское свое звание св. Павел доказывает указанием на знамения своего Апостольства в Коринфе, которые выразились во всякого рода чудесах и силах. (ст. 1–13). В заключение св. Апостол опять повторяет, что он, когда придет к Коринфянам, ничем не будет пользоваться от них, как не пользовался ничем и посланный им Тит Главная цель Апостола — нравственное исправление Коринфян, к чему он и ведет свою речь. Апостол опасается, как бы, придя к ним, не найти их неисправленными (ст. 14–21).

В **тринадцатой главе** св. Апостол грозит, что, если он застанет Коринфян неисправленными, он отнесется к ним со всею строгостью: *«когда опять приду, не пощажу»*. *«Вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне: Он не бессилен для вас, но силен в вас»* (ст. 1–3).

Святой Павел, по объяснению еп. Феофана Затворника, «говорит, как бы им: так сами вы поставили вопрос, что мне, если не исправитесь, неизбежно не пощадить вас, а явить на вас данную мне Апостольскую власть и силу Христову, во мне действующую. У вас начали говорить о мне: немощен он телом и слово его не сильно, наводя таким образом и на самое учение, мною преподаваемое, будто и оно не Христово. Итак, поелику так у вас поговаривают о мне, то не яви я у вас строгости Апостольской, вы в самом деле Утвердитесь в таких мыслях, а это крайне повредит делу Евангелия и вашему спасению. Итак, одно из двух: или исправляйтесь, или я должен буду не пощадить вас, властно только отсекая непокорных от Церкви или поражая их и прямою какою карою, как поразил слепотою волхва Елиму в Кипре. И увидите вы тогда осязательно, что во мне и говорит и действует Христос Господь».

Апостол говорит дальше, что и Сам Христос казался подверженным немощи, не имеющим никакой силы, когда Его распинали, но в то же самое время Он уничтожил силу смерти и разрушил ад, а затем воскрес со славой. Точно также и мы, когда нас гонят и вооружаются на нас, не терпим вреда, но *«будем живы с Ним»*, то есть окажемся непобежденными от врагов *«в вас»*, то есть для вашей духовной пользы, вашего спасения (ст. 4). Св. Апостол предлагает Коринфянам лучше испытывать и исследовать самих себя, в вере ли они: *«о нас же надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны»* (ст. 5–6). Но к этим строгим словам он тут же делает полное любви и благосердия добавление: *«Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла... Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению»* (ст. 7,10).

Заключительную часть всего послания мы находим в последних трех стихах 13-ой главы, именно в стихах 11–13. Здесь св. Апостол Павел желает своим Коринфским чадам радоваться, усовершеняться, быть в мире и единомыслии, — чем и привлекут они к себе Бога любви и мира. Затем он призывает их приветствовать друг друга *«лобзанием святым»*, то есть чистым и искренним, служащим выражением братской христианской любви, и передает обычное приветствие от христиан (*«святых»*), в среде которых сам пребывает. Заканчивается все послание обычным Апостольским молитвенным приветствием, которое мы теперь всегда слышим от пресвитеров и епископов, совершающих Божественную литургию: *«благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами. Аминь»*.

Лекция 4. Послание к Галатам

Галатия и устройство Церкви Галатийской

Галатия, иначе Галло-Греция – область Малой Азии, лежавшей между Пафлагонией (к Северу), Фригией (к Западу), Ликаонией (к Югу) и Понтом (к Востоку). Галатия получила своё имя от воинственных племён Галльского и Кельтского происхождения, которые около 280 года вторглись во Фракию и частью перебравшись в Азию. Они охотно поступали на платную службу к Азиатским царям. Никомед I, царь Вифинии, за помощь в войнах дал им небольшую область во Фригии, из которой они распространились и далее, образовав небольшое государство. Язык греческий.

Занимались преимущественно войной и земледелием, немного торговали. (Анкира, Тавий и Пессинонт – их наиболее известные города). За 189 лет до Рождества Христова консул Манилий Вильсон покорил Галатию Римской власти, а Помпей за услуги в войне с Митридатом дал Галатам царя, в 64-м году, но не надолго. С 26-го года, по смерти последнего их царя, Аминты, Римский сенат стал посылать им своих прокураторов.

Во время 2-го путешествия по Малой Азии, Апостол Павел прошёл и Галатию ([Деян. 16:6](#)), и задерживаемый болезнью ([Гал. 4:13](#)), провел там некоторое время. Проповедь его оказалась успешной (4:14). Галаты скоро отказались от идолослужения и охотно приняли Евангелие (4:8; 5:7).

В третье путешествие, Апостол из Антиохии отправился опять в Галатию для утверждения новообращённых в вере ([Деян. 18:23](#); 19:1). Таким образом **устройство Церкви Галатийских первоначально и окончательно принадлежит Апостолу Павлу.**

Апостол Пётр, как это видно из надписи в его Послании ([1Пет. 1:1](#); [Гал. 2:11](#)) тоже благовествовал Галатам, но честь первоначального их просвещения Апостол Павел приписывает исключительно себе ([Гал. 1:6,8,11](#)).

Повод к написанию

Вскоре после 2-го посещения Ап. Павлом Галатии, по прибытии его в Ефес, Галаты были совращены в иное благовествование хитростью и обманом лжеучителей (1:6), принадлежавших к Иудействующим, которые старались унижить Апостола Павла за несоблюдение им Закона Моисеева и более всего за то, что он не признавал необходимости обрезания для язычников. Опираясь на мнимый авторитет старейших Апостолов, столпов Церкви, Петра, Иакова и Иоанна, они говорили, что должно принимать обрезание и соблюдать Закон Моисеев, что Апостол Павел не заслуживает доверия в отношении этого вопроса, потому что он не самовидец Господа, а только ученик других Апостолов.

Уже во 2-е свое посещение Галатии, Апостол имел случай выступить против этих лжеучителей ([Гал. 5:3,21](#)). И поскольку лжеучение ещё не укоренилось, и сами Галаты радушно приняли его (4:18), то Апостол Павел считал опасность устранённой.

Но не успел он основаться в Ефесе, как до него дошла неприятная весть о совращении Галатов, и он неотложно поспешил исправить совратившихся, написав им краткое Послание.

Время и место написания Послания

Отпадение Галатов последовало очень скоро после отшествия Апостола в Ефес ([Гал. 1:6](#)). Так же скоро и Апостол написал свое Послание к Галатам, узнав об их совращении. Из этого можно заключить, что это Послание было написано в Ефесе. В самом деле, в своём первом Послании к Коринфянам (16:1) Апостол упоминает об **установлении сбора милостыни** в Галатии, а в Послании к Галатам делает намёк на это (2:10; 6:9–10). Впрочем, некоторые Греческие рукописи полагают, что оно написано в Риме, с чем согласуется и выражение Апостола, что он язвы господа Иисуса на теле своём носит (6:17); но язвы эти он всегда носил *«Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса,*

чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2Кор. 4:10), а что касается Греческих подписей на Послании, то им можно противопоставить Римские подписи, которые говорят о написании из Ефеса.

Из определения места можно уже предположить время написания Послания. Апостол основал своё постоянное пребывание в Ефесе в конце 55 или в начале 56 года, и Послание своё к Галатам мог написать в 56-м году.

Цель написания Послания

Апостол опасался уничтожения всех своих трудов действием лжеучителей. Он понимал, что ему прежде всего необходимо восстановить своё собственное достоинство в глазах Галатов и доказать, что его авторитет не ниже авторитета прочих Апостолов. Затем следовало раскрыть истинное значение Закона, недостаточность его для спасения и необходимость оправдания через веру – чтобы таким образом поразить Иудействующих в их собственном убежище. С этой целью Апостол и написал своё Послание.

Особенности Послания

Послание к Галатам - **как бы сокращение Послания к Римлянам и, следовательно, сокращение всего догматического учения Апостола Павла:**

- 1) Те же основания для доказательства недостаточности Закона к оправданию и
- 2) Те же основания для доказательства необходимости веры,
- 3) Те же примеры для подтверждения и
- 4) Те же умозаключения.

Важность истин, содержащихся в Послании делают его очень замечательным в ряду других Посланий Апостола Павла, а сжатость и краткость выражения – тёмным и затруднительным для изъяснения. Далее, всё Послание написано Апостолом собственноручно (6:11), чего Апостол не делал при других Посланиях. Причиной такого предпочтения к Посланию могло быть отсутствие способного переписчика или, как догадываются некоторые, желание Апостола не дать повода лжеучителям заподозрить подлинности Послания.

Подлинность Послания

Послание к Галатам носит на себе такую яркую печать происхождения от Павла, что никто не мог заподозрить его подлинности. С самой глубокой древности идут свидетельства и цитаты в пользу этого Послания. Климент Римский (Кор 49), Игнатий Богоносец (Ad Philad. с.I), Поликарп Смирнский(Флп 5), Иустин мученик (Orat. ad. Graec. p. 40), Иринея (adv. haer. XIV, 2), Тертуллиан (De praescr. с. VI), Климент Александрийский (Strom. 3:468) знают и цитируют это Послание; канон Маркиона, каталог Муратория, перечень *ὁμολογουμένων* Евсевия, переводы Пешито и Итала содержат его в себе. И новейшие исследователи, объясняя разными полемическими целями происхождение Послания, не отвергают его подлинности. (А.В.Иванов)

Экзегетический разбор Послания к Галатам (Таушев) Аверкий

Первая глава начинается надписанием и приветствием, которые характерны тем, что уже в них святой Апостол указывает на основные положения всего своего послания: доказательство его Апостольского достоинства и выяснение, в чем состоит наше спасение. «Павел Апостол, избранный не человеками и не чрез человека, но Иисусом Христом»... здесь святой Павел решительно подчеркивает богоизбранность своего Апостольства, вопреки стремившимся унижить его клеветникам иудействующим. Характерна и форма Апостольского приветствия: «*Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века*» ... здесь указывается, что **спасение** для нас во **Христе**, а не в ветхозаветном обрядовом законе (ст. 1–5). Тотчас же после приветствия

Апостол выражает удивление быстрому отпадению Галатов от истинного учения и провозглашает грозную анафему всякому, кто осмелился бы проповедывать какое бы то ни было другое учение, отличное от того, какое он им благовестил, хотя бы то был «ангел с небес» (ст. 6–9). Вот где основание для провозглашения Церковью анафемы еретикам!. В 10 ст. святой Павел оправдывается от обвинения, что он, не будучи истинным Апостолом, освобождает язычников от соблюдения закона Моисеева лишь для того, чтобы приобрести их расположение: *«Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым»*.

С 11 стиха начинается **защитительная** часть Послания. Лжеучители, унижая святого Павла говорили, что он Самого Господа Иисуса Христа никогда не видал, Евангельскому учению научился от других Апостолов, а потом отступил от них, составив свое собственное учение о ненужности закона Моисеева; для того же, чтобы прикрыть свое отступление, он, бывая с другими Апостолами, говорит и действует, как они, чтобы не показать своего разногласия с ними. Защищая от клеветников свое Апостольское достоинство, святой Павел прежде всего раскрывает Божественное, а не человеческое происхождение своего Евангелия, утверждая, что он научился ему *«через откровение Иисуса Христа»*, то есть непосредственно от Самого Господа, являвшегося ему. Далее он предлагает Галатам увидеть явный перст Божий в той разительной перемене, которая произошла с ним, рассказывая, как из жестокого гонителя Церкви Божией он стал проповедником прежде гонимого им учения Христовой веры (ст. 11–24).

Здесь в этих автобиографических строках особенно важны слова: *«я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью»*, то есть с людьми, в данном случае, надо полагать, с другими Апостолами, *«и не пошел в Иерусалим, к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию»*, где, видимо, святой Павел и был посвящен во все тайны христианского учения Самим Господом в многократных явлениях, что можно видеть например, из Еф 3:3. Только спустя три года святой Павел ходил в Иерусалим *«видеться с Петром»* — только **видеться** или познакомиться со знаменитым Апостолом, а не учиться у него. В Иерусалиме святой Павел пробыл всего *«дней пятнадцать»*, во время которых он никого из Апостолов не видел, *«кроме Иакова, брата Господня»*. Все это святой Павел подчеркивает, дабы показать, что не от других Апостолов почерпнул он свои знания евангельского учения. *«А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу»* — в этих словах мы видим новое подтверждение законности клятвы в важных случаях. Далее Апостол говорит, что он *«после сего отошел в страны Сирии и Киликии»*; то есть опять не мог видаться с Апостолами, ходившими тогда с проповедью по Палестине, и что церквам Христовым в Иудее лично он не был известен. Цель сих слов Апостола все одна и та же: *«у Петра я не учился, а только видел его, — как бы так говорил Апостол, — у Иакова не учился, и его только видел, не учился ни у кого другого низшего их, не так знатного лица. Возможно ли было мне учиться у тех, кои даже лица моего не видали?»* (Фотий у Экумения).

Вторая глава представляет собою продолжение той же защитительной речи Апостола. Здесь в первых 10 стихах ее святой Павел рассказывает, как он, *«по откровению»*, ходил на Апостольский собор в Иерусалиме, как раз на тот самый собор, на котором было постановлено о необязательности для христиан соблюдения обрядов Моисеева закона. Ходил туда святой Павел в сообществе с своим учеником крещеным, но необрезанным Титом, которого представил Апостолам, и его не принуждали обрезать. Павлово благовестие получило здесь на соборе полное одобрение старейших Апостолов. Старейшие Апостолы признали, что Апостолу Павлу вверено благовествование для необрезанных, как Петру — для обрезанных. В знак полного согласия, Иаков и Кифа и Иоанн, *«почитаемые столпами»*, подали святому Павлу и Варнаве руку общения. Как поясняет эти слова святой Иоанн Златоуст: *«В деле проповеди, говорит (святой Павел), мы разделили между собою всю вселенную; и я взял язычников, а они Иудеев, потому что так угодно было Богу. В попечении же о нищих из Иудеев и я им помогал»*. Среди

верующих из Иудеев было много бедных, которые лишились всего, что имели, и были повсюду гонимы неверующими. О них-то, как мы видим, действительно очень заботился святой Павел, собирая для них милостыню среди уверовавших язычников (ст. 1–10).

Далее Апостол указывает на твердость и неизменность своих убеждений, в то время как другие Апостолы (Петр и Варнава), из снисхождения к иудействующим, делали им уступки: отстранялись от язычников, не ели вместе с ними. В стихах 11–21 святой Павел описывает, как он даже возмел дерзновение противостоять в этом Петру и обличил его при всех. Этот замечательный случай наглядно свидетельствует о равноправности Павла с Петром и опровергает ложный догмат римо-католиков о мнимом главенстве Петра в Апостольском лике. «Наместника Христова» святой Павел, конечно, не осмелился бы обличать, да еще «при всех».

Изложив Галатам свое обличение Петру (ст. 11–14), святой Павел незаметно перешел к главному предмету своего послания: «человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа» ... «делами закона не оправдывается никакая плоть» (ст. 16). Эти слова особенно любят сектанты, видящие в них отрицание значения добрых дел для спасения. Но ведь совершенно ясно, что здесь речь идет вовсе не о «добрых делах», а о «делах ветхозаветного Моисеева закона», который с пришествием Христовым потерял свое значение, что и было окончательно постановлено на Апостольском соборе в Иерусалиме, бывшем в 50 г. по Р. п. В следующем 17 ст. Апостол говорит, что требовать от христиан соблюдения ветхозаветного закона это значит косвенно обвинять во грехе Самого Христа: «*Неужели Христос есть служитель греха?*» то есть неужели Он ввел нас в грех Своим учением, которое мы разгласили миру? Конечно нет. Если бы закон Моисеев давал оправдание людям, то не было бы нужды в страданиях и крестной смерти Спасителя: «*то Христос напрасно умер*» (ст. 21). В стихах 19–20 Апостол показывает с какой решительностью надо оставить ветхозаветный закон для того, чтобы всем своим существом прилепиться к Господу Спасителю, сораспяться Ему совершенно, чтобы жить только для Него и Им: «*Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспаялся Христу, 20 и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня*».

С **третьей главы** начинается **вероучительная часть** Послания. Продолжается она и в **четвертой главе** и заканчивается в 12-м стихе **пятой главы**. Общее примечание ко всей этой части можно сделать словами святого Иоанна Златоуста: «Выше (то есть в первой защитительной части) святой Павел показывал только, что он сделался Апостолом не от человек и не чрез человек, и что не имел нужды в научении от Апостолов; а здесь после того, как представил себя достойным доверия учителем, уже со властью беседует, **сравнивая между собою закон и веру**». Предмет раскрываемый здесь Апостолом — **ненужность закона для Галатов**, как язычников.

В **третьей главе** святой Павел говорит сначала о необязательности закона для Галатов: первое доказательство этого он заимствует из наглядного опыта самих Галатов, которые прияли Святого Духа и благодатные дары чудотворения (ст. 1–5); второе доказательство ненужности закона святой Павел заимствует из способа оправдания, как самого родоначальника оправданных Авраама, так и после него всех будущих наследников обетований Авраамовых: «*Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность*». Отсюда ясно, что и «*верующие благословляются с верным Авраамом*» (ст. 6–9). Третье доказательство святой Павел выводит из невозможности исполнить все предписания закона и избежать его клятвы: «*все утверждающиеся на делах закона находятся под клятвою*». Почему же это? Объясняет это Апостол ссылкой на Второзаконие 27 гл. 26 ст.: «*Проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона*». И по первоначальному учреждению своему закон не имел силы оправдывать пред Богом, что ясно из того, что в самом же законе было написано: «*праведный от веры жив будет*» (Аввак. 2:4). Поэтому, если и возможны были праведники в Ветхом завете, то собственно ради веры в грядущего Испытателя человек

и ради Его искупительной Жертвы, к которой закон прообразовательно руководил все мысли и чувства своих ветхозаветных служителей. Только Христос освободил от проклятия всех тех, на ком оно тяготело за неисполнение закона: *«Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою ибо написано: проклят всяк, висящий на древе»* — эти слова читаются в апостольском чтении на утрени Великой Субботы, объясняя смысл и значение совершенного Господом подвига искупления человечества. *«Проклят всяк, висящий на древе»* — слова Второзакония 21:23. «Не потому он проклят», объясняет блаженный Иероним, «что висит на древе, но потому, что впал в тяжкий грех, что заслужил быть повешенным». «Как все в Ветхом Завете имеет прообразовательный смысл, так и это установление о повешении преступников и о снятии их к вечеру для похоронения было прообразом крестной смерти Спасителя. И Он повешен на древе, а вечером снят» (еп. Феофан Затворник). Христос принял на Себя незаслуженно клятву, тяготевшую над человечеством, и уничтожил ее. «Как кто-нибудь неподлежащий осуждению, решившись умереть за осужденного на смерть, сим избавляет его от смерти, так поступил и Христос (еп. Феофан Затворник)». «Принявший на Себя проклятие Он освободил людей от проклятия». Это сделал Христос для того, чтобы *«благословение Авраамова через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою»* (ст. 10–14).

Вторая половина **третьей главы** содержит опровержение возражений против исключительного значения для язычников веры помимо закона (ст. 15–29). Здесь Апостол рассеивает сомнения, которые могли явиться у христиан из Иудеев, не отменяет ли закон обетований, данных Аврааму, ради его веры, и зачем же вообще дан был закон? Апостол объясняет, что закон *«дан после по причине преступлений»*, «для обуздания преступности, чтобы народ держался в страхе, не предавался порокам, а жил праведно и делался достойным проявить в себе Обетованного» (еп. Феофан Затворник); **чтобы Иудеи не жили без страха** и не дошли до крайнего нечестия, закон и дан им вместо узды, для их научения, усмирения и удержания их от нарушения хотя не всех заповедей, по крайней мере некоторых. Итак, не малая польза от закона. Закон дан *«до времени пришествия семени»*. Сим указывается временность закона и его преходящее значение. «Если закон дан только до пришествия Христова, то для чего ты», говорит Святой Иоанн Златоуст, от лица Апостола, — «продолжаешь его далее, за пределы этого времени?» Значение закона в том, что он *«был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою»* (ст. 24), то есть он был только детоводителем ко Христу, лишь воспитывал, подготовлял нас к принятию Христова учения. *«По пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя»* (ст.25) — с приходом же самой оправдывающей нас веры он стал уже не нужен. *«Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись»* (ст. 26–27). Вера Христова возвращает людей к тому прекрасному периоду непорочного детства, при котором они свободно творят волю Отца своего Небесного и не имеют нужды в том, чтобы смирять их строгой дисциплиной. В этой **сыновности** Богу и заключается причина ненужности закона, как сдерживающего начала: **христиане, как сыны Божии, свободны от всяких формальных правил и требований, ибо они составляют «одно во Христе Иисусе», «облеклись во Христа» и не имеют нужды в каком-либо принуждении: «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»** (ст. 28). В качестве духовных чад Христа, потомка Авраама, христиане суть истинные потомки Авраама, а потому и наследуют то оправдание и благословение, которое было обещано Аврааму (ст. 29).

Четвертая глава содержит увещания Галатам принять доказанную истину о ненужности закона и о том, что не следует больше вязать себя ветхозаветной обрядностью. Эти увещания направлены преимущественно 1) **на ум** (4:1–10), 2) **на сердце** (4:11–20), 3) **на волю** (4:21–31 и начало 5 гл. до 12 ст.).

«Ничто не убеждает так ум отказаться от своих мыслей, как доведение их до нелепости», говорит еп. Феофан Затворник. Это и делает святой Павел. Он указывает, как неразумно выросшему сыну продолжать жить под опекой и руководством своих воспитателей. Так и мы, говорит Апостол, были под пестунством закона **до времени**. Но пришел конец этого времени: *«когда пришла полнота времени»* (т. е. когда исполнилось predetermined Богом время), *послал Бог Сына Своего Единородного* и чрез Него ввел нас в полные права взрослых сынов. «Как нелепо теперь нам жаться под закон и держать себя наряду с рабами, когда мы уже сыны, *«а если сыны, то и наследники Божии чрез Иисуса Христа»*. Стихи 4–7 о послании Богом Сына Своего Единородного представляют собою Апостольское чтение на литургии в день праздника Рождества Христова.

Обращаясь сначала с этим увещанием к Иудеям (ст. 1–7), святой Апостол переходит потом к язычникам. Язычники могли сказать: «да как же нас прежде обращали в иудейство и совершенно сближались только с теми из нас, которые вполне подчинились всему закону?» — «Тогда было другое дело», отвечает им Апостол: «тогда иудейство было единая истинная на земле вера, и вы хорошо делали, принимая его. Ныне же, когда Бог Сам Себе вас присвоил помимо закона, ваше обращение к немощным стихиям закона не имеет никакого смысла», 4:8–10; еп. Феофан Затворник).

Так как сердце может идти наперекор всем доводам ума, святой Апостол находит нужным обратить увещание и к сердцам Галатов. Эти стихи 11–20 самые трогательные во всем послании. Апостол напоминает Галатам, с какой горячностью приняли они его проповедь, какой любовью воспламенились к нему, и неужели же проповедь его была напрасна? «Отеческий это голос», говорит блаженный Феодорит, «приличный тому, кто помнит свои труды, и не видит труда». Нежно упрекая Галатов за перемену чувств и отношений к себе, Апостол призывает их рассудить, где кроется причина этой перемены? И сам указывает эту причину в новых учителях, которые *«ревнуют по вас нечисто»*, единственно для своего тщеславия. Высшую степень отеческой любви Апостола к Галатам мы видим в нижеследующем трогательном восклицании: *«дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос»* (ст. 19). Уклонением в иудейство Галаты как бы помрачили в своем сердце образ Христов, и святой Павел с ярко выраженной отеческой любовью ревнует о восстановлении в них этого образа Христова. «Видишь ли и любовь отеческую и скорбь достойную Апостола? Слышишь ли вопль, гораздо более горький, нежели вопль раждающей?» говорит по поводу этого восклицания Павлова святой Златоуст. *«Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой»*, то есть «изменить его применительно к тому, что увидел бы своими глазами» (еп. Феофан Затворник) или «переменить в плачевный и проливать слезы, и вас всех заставить плакать» (святой Иоанн Златоуст), (ст. 20).

«Ум и чувство», — говорит еп. Феофан Затворник, — «переходя на сторону истины, влекут за собою и волю... но она может медлить, отлагать свое решение». Вот почему святой Павел дальше старается воздействовать непосредственно на волю Галатов, показывая, как преславно пребывать в свободе от закона (ст. 21–31 и 5:1). Это он раскрывает прообразом двух заветов в истории Агари и Сарры. *«Авраам имел двух сынов: одного (Измаила) от рабы (Агари), а другого (Исаака) от свободной (Сарры)... В этом есть иносказание. Это — два завета»* (4:22–24). Агарь была прообразом Завета Ветхого с Законом Моисеевым, который не давал полной свободы от греха, держал в рабстве греху, а Сарра прообразовала Закон Новозаветный, дающий нам совершенное оправдание и полную свободу от греха. *«Но как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу»*, то есть Измаил Исаака, так и теперь неразумные ревнители Моисеева закона гонят христиан. Но Писание говорит: *«Изгони рабу и сына ее»*, так и ныне мы должны расстаться с ветхозаветным законом, чтобы войти в дарованное нам наследие, ибо мы — христиане, дети не рабы, но свободной (ст. 25–31).

В пятой главе Святой Апостол Павел призывает христиан твердо держаться свободы, дарованной Христом и не подвергаться опять игу рабства Закона Моисеева, *«ибо во*

Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (ст. 1–6). С этой главы начинается **нравоучительная часть** Послания, которая заканчивается в следующей шестой главе 10-м стихом.

Основная мысль всего нравоучения Апостола, связанного с вышеизложенным учением о христианской свободе, заключается в ст. 13–14: *«к свободе призваны вы, братие, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти: но любовью служите друг другу, ибо весь Закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя»*. Почему Апостол не упомянул здесь о любви к Богу, как о первой и большей заповеди, по словам Самого Господа Иисуса Христа (Мф 22:36–38)? Очевидно потому, что в мыслях у него было, главным образом, уврачевать уменьшение взаимной любви между Галатами, а истинная любовь к ближним и так всегда предполагает наличие в человеке любви к Богу. Жить, как свободным по духу — это значит избегать дел греховных, дел плоти: прелюбодеяния, блуда, вражды, ссоры, зависти, ненависти, убийства, пьянства и т. п. и наоборот воспитывать в себе плоды духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание. Апостол подчеркивает, что нравственная христианская жизнь нелегко дается, что она есть борьба, которая ведется не на жизнь, а на смерть. Это — самораспятие, мысль, о чем так ясно выражена в словах: *«но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями»* (ст. 24). Это распятие плоти совершенно необходимо для каждого желающего жить духовной жизнью, ибо *«плоть желает противного духу, а дух противного плоти: они друг другу противятся»* (ст. 17). Поэтому, если мы решаемся *«жить духом»*, *«то по духу и поступать должны»* (ст. 25).

В **шестой главе** Святой Апостол дает наставления нравственного характера совершеннейшим и, можно думать, предстоятелям церквей. Он велит им исправлять согрешающих **«духом кротости»**, не тщеславясь и не превозносясь, считая себя чем-то, а с опасением как бы и самим не подвергнуться искушению впасть в грех, потому что Бог часто за гордость и за немилосердие к другим согрешающим попускает впадение в грех для смирения (ст. 1–3). *«Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов»* (ст. 2) — вот закон христианской любви. Наисильнейшие побуждения к неослабному доброделанию Апостол указывает во всеведении Божиим: *«не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает»* и в том завершительном расчете, который каждого из нас ожидает при конце этой земной жизни: *«что посеет человек, то и пожнет»* (ст. 7 и 8). Не следует унывать, делая добро, и надо спешить делать его, *«доколе есть время»*, пока есть время, пока не застигла нас смерть.

Заключение. Послания составляют 11–18 стихи шестой главы. Здесь Апостол указывает на свою особенную попечительность о Галатах в том обстоятельстве, что Послание свое он писал им собственноручно (ст. 11), в то время как он обыкновенно делал это чрез писцов (Рим 16:22). Далее он указывает на противоположность своих побуждений, совершенно чистых, сравнительно с лжеучителями, которые принуждают Галатов обрезываться, только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, и *«дабы похвалиться в вашей плоти»* (ст. 12–13), чтобы похвалиться количеством знаков ваших обрезаний (здесь ирония). *«А я не желаю хвалиться»*, говорит Апостол: *«разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира»* (ст. 14) — хвалиться крестом Христовым значит веровать, что только им одним дается спасение. Через эту веру, говорит Апостол, я стал как бы мертвецом для всего суетного мирского, и мне безразличны, как слава мира сего, так и гонения. Сущность христианства, повторяет опять Апостол, в том, чтобы стать *«новой тварью»*, и к этому-то только и нужно стремиться, ибо кто так живет, тем *«мир им и милость, и Израилю Божию»*, то есть на истинном Израили — всех верных, следующих учению благодати (ст. 15–16). Заключает Апостол Послание восклицанием: *«впрочем, никто не отягощай меня»* — ибо все уже разъяснено и истолковано. Предлагать дальнейшие вопросы и высказывать недоумения это значило бы лишь удовлетворять болезни спорливости (или похоти противопоставления своего мнения) — напрасный труд. Ответ на все

возражения — **язвы Господа Иисуса**, которые он носит на теле своем. Пусть они засвидетельствуют истину проповеди святого Апостола. «Если бы кто увидел окровавленного и покрытого бесчисленными ранами воина», говорит святой Златоуст, «стал ли бы обвинять его в трусости и предательстве, когда сей на самом теле своем носит доказательство своего мужества? Также, говорит, должно судить и о мне».

Заканчивает свое Послание Апостол преподанием обычного Апостольского благословения: *«благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братие. Аминь»* (ст. 18).